

Соня Мархалева – детектив-оптимистка

Людмила Милевская

Веселая поганка

«Автор»

2003

Милевская Л. И.

Веселая поганка / Л. И. Милевская — «Автор», 2003 — (Соня Мархалева – детектив-оптимистка)

«Дело пахнет керосином!» – сразу поняла Сонька, увидев, как бритоголовые пытаются сбросить с моста какого-то типа. Но братки успели засечь случайную свидетельницу и бросают ее за компанию в воду. Мархалева едва не погибла! А бандюги, узнав, что вездесущая писательница не утонула, горят желанием завершить начатое. Сонька в отчаянии решает: «Уж лучше броситься под машину!» И метит прямо под колеса Кадиллака. Но ей повезло: машина резко затормозила, и, не мешкая, Сонька скрывается внутри шикарной тачки. «Гони, дорогой!» – кричит она и обмирает. За рулем – ее речной спаситель! Поистине, мир тесен... Случайно ли?..

Содержание

Вместо пролога	6
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Людмила Милевская

Веселая поганка

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вместо пролога

Из донесения резидента: «Достоверные источники извещают: в Москву для организации масштабной акции экономического характера ожидается прибытие сотрудника ЦРУ, специализирующегося на макроэкономических диверсиях. Выявить установочные данные, имя, кличку агента, время и канал его проникновения в страну, а так же способ внедрения не удалось.

«Аеааа! Он меня бросил... Меня бросил?! Бро-сил!!! И часа не живу с этой мыслью, но терпеть ее нет уже сил!»

Весенней ночью я сидела на берегу реки. В дорогом шерстяном пальто опустилась прямо на оттаявшую землю, осела на мокрую пожухлую траву. Упала и сидела. Вся в слезах. Боль отняла мои силы. Я сидела, мечтая уйти из жизни. Нет, я не приноравливалась как сделать это половчей, а просто мечтала. Неисправимая оптимистка – даже из горя пыталась извлечь радость. К тому же, расставаться с жизнью из-за какого-то там болвана, не сумевшего оценить своего счастья, казалось мне глупостью, но почему бы не помечтать.

«Вот лежу я в гробу...

Надо бы наказать Марусе, чтобы гроб был из красного дерева. И с золотой инкрустацией. У нее есть родственник, который стал крутым на этих делах, так пусть и для меня расстарается, пусть гроб доставят из Парижа по специальному заказу и платье только от Армани. Конечно, чего там мелочиться. Жила кое-как, с юности была богата, а все экономила, старалась для людей, так хоть умру со всей пышностью, какую могу себе позволить. Эх, жаль, что не хоронят у нас в шляпках, шляпки мне очень к лицу.

Да. Так вот лежу я в гробу, а он (подлец) грустный надо мной роняет слезы и весь в тоске и раскаянии...

Надеюсь у Тamarки хватит сил притащить этого мерзавца на мои похороны. Думаю он будет сопротивляться, но Тamarка, если упрется, горы свернет.

Да, так вот, лежу я себе в гробу, безмолвная (ужас! это трудно представить!) бездыханная, отрешенная, а надо мной рыдают, страдают и, конечно же, раскаиваются...

Кстати, многим есть в чем. Уж не знаю, как мой уход из жизни переживет Буранов: в истоках романа он был непростительно скуп. А Тося? Столько гадостей она сделала мне... А Тamarка? Ведь она же всегда права. Подойдет к гробу и брякнет: „Мама, ты невозможная! Взяла и умерла. Только ты на это способна.“ А баба Рая скажет: „Чего еще от нее ждать, от макитры.“ А Маруся завопит: „Епэрэсэтэ! Старушка! Прямо вся взяла и умерла!“ А Юля...»

– Стоп! – завопила я. – Какая Тося? Какая Тamarка? Какая баба Рая? Какая Маруся? И, уж тем более, Юля!

Меня бросило в дрожь от одной только мысли, что все они узнают о моем позоре. Даже баба Рая, которая живет под боком, и та не знает (пока), что мой муж меня бросил. И не надо ей знать, пусть думает, что угодно, только не это.

Уж баба Рая с радостью рассказала бы моим подругам сногшибательную новость. Этих дурочек по сотне раз бросали мужчины, а я только насмеялась, потому что всегда всех бросала сама, и теперь пришла моя очередь. И это лишь первая ласточка. Да-да, мой возраст верная тому гарантия. Теперь пойдет-поедет, только держись.

Чем больше я думала над этим, тем тоскливее становилось. Дальнейшая жизнь теряла смысл. Зачем? Чтобы смотреть на то, как на лице появляются морщины, а мужчины воротят от меня нос?

А баба Рая? Как она стонет по утрам, когда встает с постели. То же будет и со мной, если вовремя не приму меры. Самоубийство, конечно, грех, но болячки и морщины ничем не

лучше. У этой бедной бабы Раи буквально все болит, о чем она и говорит с утра до ночи. Один раз, болезная, проснулась здоровой и как в том анекдоте с ужасом завопила: «Я умерла!» «Да тьфу на тебя!» – говорю. «Нет, Сонька, пойди глянь, я же ж по-моему умерла! Ничего же ж не чувствую!»

Разве это дело, до такого маразма доживать? Нет, это не по мне.

Короче, уход из жизни постепенно из мечты стал превращаться в назойливую необходимость. Ну конечно я должна умереть, если только не приспичит посмотреть на то, как радуются Тося, Маруся, Тамарка, Лариса, Юля и может быть даже Роза, хоть она и идеал.

Нет, подруги, конечно, будут меня утешать, даже подставят плечо, но я-то не могу не знать, что творится в глубинах их душ: там не обойдется без удовлетворения. У Тоси даже будет злорадство. Обязательно будет, уж такая она. А я гордая. Я этого не переживу!

Ноги сами понесли меня к мосту. Мрачные мысли о позоре подхлестывали, и я перешла на бег, спотыкаясь о кочки и путаясь в каком-то мокром сене. На сердце легла боль, в глазах застыли слезы, в голове замелькали ужасные картины, среди которых измена мужа была не самой страшной.

«Просто удивительно как я до этой минуты жила и была счастлива, когда все у меня так плохо? – подумала я, останавливаясь на середине моста. – Но как же с него прыгать? Черт! Никакого в этом нет у меня опыта. Может залезть на перила и сигануть с них?»

Я глянула вниз – безмолвная холодная река спокойно катила воды. В свете луны серели обломки нерасстаявшего льда.

«Не мог уже мой Женька изменить мне в середине лета! Прыгай теперь в ледяную воду!»

Я поежилась и отступила, но злорадно смеющееся лицо Тоси вдруг стало перед глазами, и я не увидела возможности жить. Жить униженной и оскорбленной, на бурную радость всем, кто завидовал моей красоте, моему успеху, моему уму?

Гордость призвала: умри! Тем более, что от красоты уже мало что осталось, впрочем, как и от успеха. С умом же и вовсе возникали вопросы. Всю жизнь считала, что умных женщин не бросают.

Я мужественно отправилась умирать на другой конец моста. Поближе к берегу.

«Надеюсь, там тоже глубоко,» – подумала я, усаживаясь на край моста и свешивая вниз ноги. О дорогушем своем пальто я уже совсем не переживала. Зачем мне пальто? Хоронить меня будут в платье от Армани, зато Тося вряд ли сможет злорадствовать над гробом. И у Евгения не хватит смелости признаться всем, что он меня бросил, следовательно умру я вполне замужней. И вполне счастливой.

Я положила рядом с собой сумочку с документами и водительским удостоверением, в надежде, что ее найдут и точно установят кто сиганул с этого задрипанного моста, какая яркая личность. Может когда-нибудь и памятник на этом месте соорудят.

Памятник не памятник, а в анонимности и в самом деле мало смысла, поскольку муж мой, узнав где я рассталась с жизнью, сразу должен понять, что явилось тому причиной. «Пусть до конца своих дней, подлец, мучается угрызениями совести,» – злорадно подумала я.

Сделав необходимые приготовления, я в последний раз глянула вниз на темные воды, зажмурила глаза и слегка подалась вперед, решив: досчитаю до ста и тут же прыгну, представляя, что внизу не холодная река, а роскошный бассейн с подогретой морской водой.

В том, что досчитав до ста я буду стартовать, сомнений у меня не было. Слишком хорошо я знала себя. Сомнения были насчет остального. Первый разряд по плаванию сделал свое дело: как, к примеру, я буду тонуть, когда плаваю не хуже рыбы?

Но не в ледяной же воде?

Да, это дает надежду. Говорят, больше пяти минут там не продержаться.

Ха, – пяти минут! Целых пять минут уходить из жизни – перспектива не слишком заманчивая, особенно если это делаешь в ледяной воде.

«Досчитала только до тридцати, а уже такие сомнения, – пригорюнилась я. – Что же будет, когда досчитаю до ста? Поднимусь, отряхну пальто, возьму сумочку и потопаю домой? Нет, это никуда не годится. Прыгать надо немедленно!»

Я изготовилась, ухватила руками за край моста, собираясь с силой оттолкнуться, посылнее зажмурила глаза...

И услышала рев двигателя, приближающийся ко мне с приличной скоростью.

«Черт! – мысленно выругалась я, глядя на огни фар. – Кому это там не спится? Носятся по ночам, утопиться толком не дают. Вдруг заметят как я сиганула и возьмутся спасать?»

Такая перспектива не радовала. Вот уж Тося возликует, когда узнает, что я топилась по такой ничтожной причине как измена мужа. Самой Тосе в этом случае топиться пришлось бы раза по три на дню.

Мысль эта заставила меня упасть не в реку, а на асфальт. Я буквально распласталась по мосту, стараясь слиться с окружающей меня грязью и справедливо полагая, что возможностей отмыться вскоре будет предостаточно.

«Проедет машина, тогда и за дело возьмусь,» – успокоила я себя.

Но машина не проехала, а, вопреки ожиданиям, остановилась на середине моста. Это был огромный джип со всеми никелированными наворотами, столь милыми нашим братанам. Я насторожилась и краем глаза наблюдала, сгорая от любопытства.

А из джипа выскочили дородные бритоголовые молодцы и, страшно матерясь, принялись тащить нечто с заднего сидения. Судя по всему это «нечто» было тяжелым, потому что дело у них не заладилось. Поусердствовать беднягам пришлось изрядно. Наконец из машины выпал бритоголовый верзила очень внушительных размеров. Он был в светлой пижаме и явно не одобрял действия братанов. Впрочем, не одобрял как-то вяло, поскольку братаны в два счета скрутили его и поволокли к краю моста, хотя верзила был так велик, что запросто мог бы разбросать братанов вместе с их джипом.

«Что за трус?!» – мысленно возмутилась я, предчувствуя, что становлюсь свидетелем убийства.

И предчувствия не обманули меня. У края моста братаны мешкать не стали, а уложили беднягу в пижаме грудью на перила и в четыре руки принялись отрывать от асфальта его ноги. Тот, естественно, упирался, а ведь мог бы легко, судя по его размерам, сам сбросить с моста этих «братанов». Однако, он ограничился вялым упорством, словно заранее зная, что вреда ему не будет – попугают и отпустят.

Зря он так думал. Я-то сразу поняла, что дело пахнет керосином. Поняла я и то, что присутствую при зауряднейших разборках и тот, который в пижаме, отличается от «братанов» лишь тем, что его подняли с постели, однако я – добрая душа – приняла сторону жертвы и болела за трусливого верзилу всем сердцем.

«Вот же сволочи, – думала я, – спал человек, так нет же, из теплой постели подняли и потащили заживо топить в холодной воде. Прямо в пижаме. Не могли прикончить на месте? Живодеры! И мучают-то как! Что они к ногам-то его пристали, будто нет у бедняги рук. Вон как в перила вцепился. Его от них и до утра не отодрать, а я тут лежи в грязи, словно нет других дел.»

Однако, долго лежать мне не пришлось; бритоголовые «братаны» все же изловчились и шустро перекинули верзилу через перила. Тот летел молчком, но плюхнулся в воду с противнейшим звуком. Шлеп, бульк и тишина...

Нет, вру, громкий мат «братанов» тишину эту испохабил, а я – вот чего от себя никак не ожидала – вдруг, вскочила и, забыв, что совсем недавно страстно мечтала о том, что произошло с утопшим, с той же страстью с которой мечтала, самым глупейшим образом бросилась убежать.

Если леж на мосту в грязи и в темном пальто я имела шанс остаться незамеченной, то вскочив на ноги, рассталась с этим шансом мгновенно. «Братаны» тут же увязались за мной, да припустили так, что моя затея потеряла всякий смысл.

– Стой, сучка, стой! – в общем-то ласково вопили они мне вслед, пытаясь показать, что уж вреда мне никак не желают.

«Вряд ли эти бритоголовые оставят в живых свидетеля их мерзкого злодеяния, – убегая, мудро думала я. – Может они и дураки, но такой глупости от них ждать не стоит, следовательно лучше умереть в неравном бою, чем быть бесславно сброшенной в воду.»

Я мчалась со скоростью ветра, но, видимо, бритоголовые мчались еще быстрее, потому что их голоса раздавались уже в опасной близости.

– Стой, сучка, стой, – по-прежнему вопили они, не слишком заботясь о разнообразии репертуара.

«Уж на что на что, а на достойный отпор они могут рассчитывать, я им не трусливый верзила: и зубы и когти имеются,» – подумала я, имея на то основания.

К моему громкому голосу, длинным и прочным ногтям и острым зубам смело можно добавить тот темперамент, которым наградила меня прабабка итальянка, в одну ночь окрутившая моего гуляку-прадеда и быстренько родившая ему толпу детей. Он и глазом моргнуть не успел. После такого несчастья бедняга не мог уже вольно пить и гулять, а должен был сидеть под каблуком у моей прабабки, дай бог ей райской жизни в святом царстве – умная была женщина.

Помимо родства с прабабкой-итальянкой были у меня и другие веские причины смело смотреть в глаза врагу. Я умела не только душераздирающе орать, безбожно царапаться и зверски кусаться, но и метко стрелять. Зря я что ли три года занималась этим в девичестве и даже с успехом выступала на соревнованиях за родной университет? По-македонски я, конечно, не научилась, но с десяти метров пулю влеплю не целясь и не задумываясь, дайте только куда.

«Бритоголовые могут не сомневаться, – не без гордости думала я, улепетывая из последних сил, – стреляю отлично. Жаль, не может пригодиться это мое ценное качество из-за банального отсутствия оружия. Учитывая обстоятельства, я бы не побрезговала и рогаткой.»

На этой оптимистичной мысли меня и схватили, тут же ознакомившись со всеми моими, перечисленными выше возможностями. Я сходу завизжала так, что у бритоголовых дыбом встали зачатки волос. Пока эти несчастные наслаждались моим душераздирающим сопрано, я даром времени не теряла и с чувством задвинула коленом между ног одному, и локтем между глаз – второму.

Избалованные покорностью трусоватого верзила «братаны», расслабились и такой прыти от дамочки типа меня никак не ожидали. Тот, которому я энергично задвинула между ног, скрючился, сложил руки внизу живота и сквозь зубы нецензурно делился впечатлениями. Он был совершенно безопасен, второй же повел себя нахально и, с отрывистым матом схватившись за подбитый глаз, попытался-таки меня удержать. Пришлось хорошенько лягнуть его по голове ногой, до сих пор не пойму как это у меня получилось. Учитывая, что нога была обута в сапожок на остром каблучке, удар оказался достаточно эффективен – «братану» мало не показалось. Короче, секунд на десять из строя вышли оба, что позволило мне значительно увеличить дистанцию.

Однако, долго радоваться мне все же не дали. Вдохновленные сопротивлением «братаны», довольно быстро оклемались и с дружным гиком без особого труда дистанцию сократили, сведя ее к нулю.

Тут уж мне пришлось нелегко, пришлось отвечать за все, что я себе напозволяла. Не стану говорить, каких оскорблений наслушаться мне довелось, какими тумаками мне дали понять, что я неправа, и как небережно «братаны» поступали с моими роскошными волосами...

Впрочем, про волосы скажу: когда «братанам» надоело меня за них таскать, тот, которому я задвинула между ног, намотал косу на руку и таким невежливым образом потащил меня к мосту. Мост приближался катастрофически, но без косы я удрать никак не могла да и не хотела.

– Родненькие! – взмолилась я.

Да простит мне бог такое лицемерие.

– Родненькие! За что? За что погибать должна в расцвете лет? Я же ничегошеньки не видела!

– Чего ты, стерва, не видела? – спросил тот, которому я про меж ног коленом.

Спросил и щедрой рукой отвесил мне барскую оплеуху. На оплеуху я решила внимание не обращать – обижаться не время, – а на вопрос ответила:

– Абсолютно не видела ничего: и как мужика в пижаме тащили, и как сбросили его, и вас самих и джипа вашего. Даже номера его не запомнила. Можете считать, что совершенно слепая. Зуб даю и век свободы не видать, не вижу ни зги, особенно ночью, – заверила я на свое горе.

– Стоп! – радостно закричал тот, которому я коленом. – А это идея! Слышь, Феликс? Зачем, бля, мочить эту телку, когда моргалы ей выколем и все дела.

– Спокуха, – ответил Феликс. – Колоть моргалы мне, бля, не по кайфу. Лучше сбросим эту позорную биксу с моста и все дела. Плавать умеешь? – презрительно сплевывая, спросил он.

Услышав разговор про свои прекрасные очи и про то, как злодейски хотят с ними поступить, я потеряла дар речи, а поэтому не сразу смогла ответить на внезапно поставленный вопрос.

– Вы у меня спрашиваете? – с трудом отрывая язык от пересохшего неба, прошептала я.

– Нет, у хрена собачьего, – пояснил тот, которому я коленом.

Пояснил и тут же мне щедро выдал еще одну оплеуху, дополнив ее вопросом:

– Плавать, стерва, умеешь?

– Не знаю, не пробовала, – поспешно ответила я, жутко нервничая.

– Щас попробуешь, – успокоил меня тот, которому я локтем в глаз.

Боже, какие приятные воспоминания (локтем в глаз), и как стремительно все меняется в этом несправедливом мире.

С новой силой «братаны» потащили меня к мосту, а я уже и рада была этому. «Господи, – едва ли не с восторгом думала я, – неужели буду тонуть с собственными глазами. Как мне повезло.»

Но человек существо неблагодарное – все ему мало: у самых перил мне вдруг расхотелось тонуть, и черт его знает почему я дико начала сопротивляться. При этом мне непременно хотелось сбросить кого-нибудь вместо себя. Порой казалось, что затея небезнадежна, порой, я согласна была на что угодно, лишь бы «братаны» успокоились и не били меня. А били они жестоко, я чувствовала это даже сквозь толстое шерстяное пальто.

В общем, пришлось несладко, но я не сдавалась. Прабабушка итальянка сыграла в этом немалую роль. Удачно ее темперамент лег на русский характер, пришлось «братанам» прилично со мной повозиться, я им не трус – верзила какой-то там, и было бы им еще хуже, дай бог мне силу верзилы. Но я и со своей делала все возможное: то отбивалась, то вцепившись в «братанов», слезно молила о пощаде. Клянусь, они сто раз уже пожалели, что связались со мной.

И вдруг в ходе неравной битвы я нащупала ниже пояса у того, которому заехала коленом, столь знакомый и желанный предмет...

Не подумайте плохого, я имею ввиду пистолет. Да, да, я нащупала пистолет и конечно тут же возымела охоту им воспользоваться. Это был мой единственный шанс остаться при глазах

и не искупаться в ледяной воде. Более того, мне удалось пистолет этот выхватить до того, как «братаны» перекинули меня через перила.

О том, что пистолет в моих руках, они узнали по выстрелу. Не могу сказать, что я куда-то попала, но «братанов» от меня как ветром сдуло.

– Э-эй, ч-чокнутая, – слегка заикаясь закричал тот, которому я задвинула локтем. – Это тебе, блин, не игрушка.

– Знаю, Феликс, знаю, – пятась вдоль перил, поведала я. – И сейчас ты это поймешь. Я мастер спорта и в темноте попаду в глаз любому, кто дернется.

Здесь я врала: я, конечно же не мастер спорта, но в глаз вполне попасть могла бы, если бы стреляла в упор. Однако «братаны» впечатлились.

– Феликс, хрен с ней, – сказал тот, которому я – коленом. – Ты же видишь, бля, баба на нерв заезжает. У нее с крышей полный голяк.

«Конечно – голяк, – удовлетворенно подумала я. – Это очевидно, разве нормальная женщина рискнула бы намертво схватиться с двумя такими лбами? Нормальная женщина с жуткими воплями покорно пошла бы умирать.»

– Чего ты хочешь, заполошная? – почти ласково спросил Феликс, явно обращаясь ко мне.

Я честно призналась:

– Хочу жить, как бы вам это ни было противно.

– Какой базар, живи, – милостиво разрешил тот, которому я – коленом.

– Но это не единственное мое желание, – тут же разочаровала его я. – Хочу чтобы вы с поднятыми руками сели в джип и отчалили. И руки, руки повыше поднимите, – здесь я грозно потрясла оружием.

– Лады, лады, – согласились «братаны» и с поднятыми руками попятились к своему джипу.

Я же, крепко сжимая в руке пистолет, продолжала двигаться вдоль перил, что, как позже выяснилось, было очень неразумно. Я не знала того, что ограда моста давно требовала ремонта и местами держалась на честном слове, я же нешуточно опиралась на перила, поскольку была на высоких каблуках, лишавших меня той устойчивости, которой требовали обстоятельства.

«Братаны» пятились к джипу, я передвигалась вдоль ограды, и когда они уже были готовы погрузиться в машину, а я уже собралась свободно вздохнуть, вдруг за моей спиной образовался провал. Раздался самопроизвольный выстрел, я даже не осознала, что выстрелила сама, лишь увидела испуганные лица «братанов», панику в их глазах и почему-то следом за ней просветленную радость. На все это хватило мгновения.

Дальнейшее было уж совсем отвратительно: я, не расставаясь с пистолетом, полетела вниз самым неудобным образом – спиной к реке. Так мешком и вошла в воду и это при том, что великолепно умею нырять. Просто стыд и срам.

Напрасно переживала я, что первый разряд по плаванию не даст мне утонуть. Лишь только я попала в ледяную воду, как сразу же забыла об этом разряде и попыталась устроиться на дне реки, намокшие пальто и сапоги очень к тому располагали.

Однако располагали, видимо, недостаточно, потому что мне и на дне не лежалось и в конце концов я всплыла, судорожно глотнула воздуха, бодро крикнула «ма...» и сразу пошла на погружение, но, так и не встретившись с дном, тщательно повторила процедуру: всплыла, глотнула, крикнула «ма» и вновь погрузилась. Тонуть приходилось в жутчайших условиях: страх неизвестности, обжигающе ледяная вода, разбухшее тяжеленное пальто...

И в этом хаосе я пыталась взывать к Всевышнему. Не могу сказать, что складно это у меня получалось – грешная жизнь сильно мешала тому. Из головы не шли мирские дела. Как, к примеру, теперь узнает баба Рая, что наша новая кофемолка у Старой девы? Без принуждения Старая дева ничего обратно не отдает. И у сапожника остались мои туфли с новыми набойками.

Кто их теперь заберет? А Санька?! Мой сын! Как я раньше о нем не подумала? Кто теперь позаботится о сироте?!

Ужас, испытанный от этой мысли, затмился следующим ужасом, испытанным от того, что я увидела в тусклом свете луны: прямо передо мной (а я как раз только что вынырнула и собиралась бодро крикнуть традиционное «ма»), точнее прямо на меня двигалась мощная шея, на которой держалась огромная бритая голова...

В долю секунды уложились часы размышлений. Чего только не мелькало в голове. «Неужели „братан“, увидев с моста, что я недостаточно эффективно тону, решил мне помочь? – паникуя, подумала я. – А мне даже нечем по этой роже садануть. Ничегошеньки нет, кроме кулака. Но разве кулак этой роже помеха?»

И тут я с удивлением обнаружила, что по-прежнему сжимаю в руке пистолет. Объяснив это чудо своей неподражаемой любовью к оружию, я, ни секунды не раздумывая, въехала пистолетом в мерзкую физиономию бритоголового и...

И мгновенно получила ответный удар. Поскольку удар был неслабый, я сочла за благо тут же лишиться чувств, чтобы не видеть дальнейшего безобразия. Уже сквозь пелену небытия я ощутила как хватают меня за пальто чужие руки...

И все, больше не помню ничего. Теряя сознание, я искренне считала, что расстаюсь с жизнью навсегда, однако не все так хорошо кончается, как пишут в книгах – меня угораздило выжить.

* * *

Очнулась я в очень неплохих условиях: было темно, но достаточно сухо и тепло. Приятно пахло дымком. Это позже я с ужасом узнала, что там дымится, а пока пребывала в благодушнейшем спокойствии.

«Если это ад, – подумала я, не рассчитывая попасть в рай, – то и здесь вполне можно жить.»

Естественно, меня интересовало на чем я лежу. Причем не только я на чем-то лежала, но и что-то лежало на мне. Я вытянула вперед руку и принялась это «что-то» исследовать, приговаривая:

– Мохнатое, мохнатое, лысое, лысое, пальцы, пальцы – следовательно нога. Судя по количеству волос, мужская.

«Ага, значит в аду водятся мужчины,» – с некоторой радостью заключила я и принялась обследовать то, на чем лежу.

– Мохнатое, мохнатое, лысое, лысое, пальцы, пальцы – следовательно вторая нога и тоже мужская, – пришла я к новому выводу.

Само собой, захотелось знать нет ли поблизости еще мужских ног, и я продолжила исследование. В результате оказалось, что в пределах досягаемого мужских ног больше нет, но сама я лежу в чем мать родила.

«В объятиях мужчины, одна его нога подо мной, другая на мне – интересно что здесь было и как далеко наши отношения зашли?» – не без трепета подумала я, механически поглаживая закинутую на меня ногу.

Да, забыла сказать: ногами дело не ограничилось. Мускулистые и волосатые руки обнимали меня. Обнаженная я была как бы накрыта мужским телом, что очень волновало. К сожалению мужчина не подавал признаков жизни, но на ощупь был очень горяч.

«Спит он что ли?» – с легкой обидой подумала я и вновь принялась исследовать его тело в тайной надежде вызвать к себе интерес.

Я начала с самой периферии, приговаривая:

– Пальцы, пальцы, мышцы, мощные мышцы, волосатое колено, опять мышцы, мощные мышцы... Ого! Пардон, мсье!

Можно догадаться на что я наткнулась.

– Что вы делаете? – возмущенно раздалось над моим ухом. – Прекратите, я вас прошу!

«Волнующий бас, – удовлетворенно подумала я, – но с акцентом. С английским, не сойти мне с места. Если уж быть до конца точной, то с американским. Следовательно, это не „братан“. Откуда у „братана“ возьмется американский акцент? А если это американский „братан“? Думаю, есть и там такие. Может приехал перенимать опыт у нашей „братвы“ или делиться своим. Скорей перенимать. Чем им делиться? Они же там все нетворческие люди.»

И тут меня осенило:

«Это шпион! Американский шпион. Во всех приличных шпионских фильмах простачек, вроде меня, вербуют именно в интимной обстановке. Номер в „Хилтоне“, джакуззи... Ах, он негодник!»

С этой мыслью я вновь тронула предмет, на который меня пытаются подцепить.

– Да прекратите же, – опять возмутился его обладатель.

Я обиделась:

– Не понимаю вашего возмущения. Что я такого сделала, чтобы вот так на меня кричать?

– Зачем вы хватаете меня за это? – уже спокойней поинтересовался волнующий бас.

Кстати, я «это» к тому времени уже отпустила, так что тема исчерпалась, зачем же кричать? Почувствовав себя оскорбленной, я не могла смолчать.

– Ой-ой-ой, – с презрением пропела я, – будет вам строить из себя недотрогу. Не для этого ли вы меня раздели и сами раздеться не забыли?

– Для чего – для этого? – с флегматичным спокойствием поинтересовался бас.

– Вы уж не маленький, судя по размерам, – сами знать бы должны, – с осуждением ответила я. – Для чего раздеваются женщины и мужчины?

– Чтобы содержать тело в чистоте, – не задумываясь просветил незнакомец, изрядно поставив меня в тупик.

«Странный ход мыслей,» – подумала я и уточнила:

– А как же быть со всем остальным?

– Для остального не стоит раздеваться, – ответил незнакомец.

– Но вы же меня раздели, – напомнила я.

– Да, – согласился он, – раздел, чтобы согреть вас своим телом и просушить вашу одежду. Я вынужден был принять эти меры, иначе не имело смысла вас и спасать. Все равно вы погибли бы – ночи еще очень холодны, а вода ледяная.

– Так это вы меня спасли? – наконец-таки прозрела я.

– Да, – скромно ответил незнакомец. – И сделать это было непросто: вы оказывали яростное сопротивление. Но я вас спас и сразу сделал шалаш из камыша, где мы сейчас и лежим. А почему вас сбросили с моста?

«Хороший вопрос, – подумала я. – Лежу в шалаше обнаженная в объятиях обнаженного мужчины. Просто лежу и ничего больше. А если верить моим рукам, он очень недурен, я тоже не урод, а говорим черт знает о чем. Расскажи я такое Марусе, со смеху, бедняжка, умерла бы, тем более, что я практически свободная уже женщина.»

– Почему меня сбросили с моста? – горько усмехнулась я. – Может потому, что Бог услышал мои молитвы: ведь я сама хотела того.

Слова мои произвели на мужчину впечатление: он заворочался и покрепче прижал меня к себе. Я не возражала, настраиваясь на нежный лад.

– Что заставило вас хотеть смерти? – спросил он.

– Мой муж, – честно призналась я, думая, что это очень расположит нас друг к другу. – Мой муж бросил меня ради другой женщины. Я не смогла пережить такого горя и решила прыгнуть с моста, но в последний миг струсила. Спасибо, добрые люди помогли.

Он философски изрек:

– Разрыв с женой, немилость собственного народа, враг, спасшийся в битве, служение безнравственному царю, бедность и неуправляемая толпа: эти шесть врагов, если захватят человека, сожгут его даже без огня.

– Приятно, что вы так умны, – похвалила я. – Насчет царя, бедности и врага не знаю, не пробовала, а вот с разрывом все точно, абсолютно согласна: жжет без огня. С ума сойти, до чего жжет. Теперь понятно, почему ни с того, ни с сего захотелось в реку сигануть: оказывается, чтобы потушить пожар.

– Но почему именно с этого моста? – удивился незнакомец.

Даже как-то странно его так называть, учитывая нашу с ним близость, пока, правда, лишь телесную.

– Неужели вы живете в этом городе? – вопросом пояснил он свою мысль.

– Нет, я из Москвы, а сюда примчалась следом за бессовестным мужем. Следила за ним и выследила ту, к которой он от меня ушел. Знать лишнее не всегда хорошо. Черт дернул меня заглянуть в окно ее дома – простить себе не могу. Ну зачем мне было видеть как она стелет им постель? Ну, да фиг с ними, пускай милуются. А как вы догадались, что я не из этих мест?

– Происхождение человека можно распознать по его поведению, его страну – по произношению, его дружелюбие – по его сердечности и пылу, а его способность есть – по его телу.

Я рассмеялась:

– Очень умно, но вряд ли по моему телу вы узнаете мою способность есть. Изнуренная диетами я, порой, съела бы и быка. Прямо сейчас, кстати, и съела бы, потому что голодна со вчерашнего вечера. Подлец муж не дал мне доужинать в ресторане с любовником. Муж позвонил и сказал, что решил от меня уйти. Пришлось все бросать и начинать слежку.

Видимо я ляпнула лишнее, потому что услышав это, мужчина сразу же перестал обниматься и принялся осторожно извлекать из-под меня свою ногу.

– Что вы делаете? – с тревогой поинтересовалась я.

– Вы же хотите есть, – ответил он, – думаю, одежда уже высохла.

– Вы сушите мою одежду? – изумилась я.

– И свою тоже. Кстати, уже наступил рассвет, значит магазины скоро откроются.

Он был прав: тоненькие лучики света пробивались сквозь камыш. Мой спаситель пошуршал чем-то и выбрался наружу – его потрясающий силуэт мелькнул в проеме дыры, в которую он выполз.

«Боже, – восхитилась я, – какие мышцы. Просто ходячая гора мышц. Как мне повезло! Век бы так топилась!»

Минуту спустя в шалаш прилетели мой свитер и брюки, за ними нижнее белье.

– Одевайтесь, – крикнул незнакомец. – Я уже оделся. Одежда сыровата, но на теле быстро досохнет...

– Да нет, – возразила я, неохотно натягивая белье, – моя одежда почти сухая.

– Имею ввиду ваше пальто, – пояснил мой спаситель. – Оно высохло изнутри, но еще влажное сверху.

Я быстро встряхнула себя в брюки, натянула свитер и выползла из шалаша. И тут же об этом пожалела, так нежарко было на улице. Сразу захотелось вернуться обратно в шалаш, но взгляд случайно упал на костер. Рядом с ним на коряге висело мое пальто, точнее то, что от него осталось. По темно-шоколадному полю пошли какие-то отвратительные желтые пятна. Мне сразу же расхотелось возвращаться в шалаш. Страшная сила понесла меня прямо на костер. Не знаю, что было бы, не поймай меня мой спаситель.

– Что с вами? – спросил он, с трудом удерживая меня.

– Пальто! – завопила я, не сводя глаз с желтых пятен. – Что вы сделали с моим шерстяным английским пальто?

– Ах, это... – с беззаботной невозмутимостью вздохнул он. – Пальто, конечно, слегка подрумянилось, даже поджарилось, но зато почти высохло.

– Подрумянилось? Поджарилось? – взвизгнула я. – Это пальто или шашлык?

– Пальто-пальто, – успокоил меня мужчина. – Не волнуйтесь, а лучше послушайте мудрую притчу.

– К черту вашу притчу! – восстала я и решительно дернулась, пытаясь вырваться из его рук.

Однако он меня не отпускал. Я оторвала, наконец, взгляд от пальто и возмущенно посмотрела на своего спасителя.

И пропала!

«Как он красив, – восхитилась я. – Только Боги бывают так красивы, и я подумала бы, что и он Бог, когда бы не тот фингал, который у него под глазом.»

– Откуда у вас этот фингал? – кротко спросила я, всеми силами стараясь понравиться.

Его тонкие черные брови удивленно поползли вверх, чистые, какие-то неземные глаза слегка округлились.

– Это вы у меня спрашиваете? – изумился он. – Я у вас должен бы спросить, но, вижу, не стоит.

– В чем дело? – рассердилась я. – Какое отношение к вашему фингалу имею я?

– Самое прямое, – заверил мужчина, сразу теряя ко мне интерес и отпуская мою руку. – Вы ударили меня, когда я вытаскивал вас из реки.

Он повернулся ко мне спиной и направился к костру. Я поплелась за ним, однако делать это было нелегко, поскольку ходить босыми ногами по колкой траве и больно и неприятно. К тому же было холодно. Мой спаситель уже был в своей ужасной пижаме, но тоже босой, что, похоже, его не волновало. Двигался вокруг костра он очень уверенно. Я же шла как по битому стеклу и, наконец, взмолилась:

– Нельзя ли получить назад свои сапоги?

– Да, конечно, – ответил он, показывая на стоящие у костра сапожки, – но они еще сырые.

– Черт с ними, – ответила я. – Надену сырые.

Я уселась на корягу и начала натягивать сапог. От воды он скукожился и стал похож на колодку, к тому же уменьшился в размере. Пришлось немало потрудиться. Мужчина все это время стоял возле костра и смотрел в небо. Взгляд его был... Сложно передать каким был его взгляд, но такие глаза я видела только у счастливых людей.

Я же была далека от счастья. Мало, что сапоги не лезли на ноги, так еще и дрожь била от холода. Мужчина, заметив это, снял с коряги обгоревшее пальто и заботливо набросил его на мои плечи.

– Спасибо, – сказала я. – И простите за этот фингал. Я не из тех, кто бьет культурных людей по физиономии. Случайно приняла вас за «бычка».

– За какого «бычка»? – заинтересовался мужчина.

– Вы нерусский? – спросила я.

– А как вы узнали? – удивился он.

– Сами же говорили про произношение и страну, – напомнила я. – Судя по произношению, вы американец. Я права?

– Да, – согласился мужчина. – Я много лет жил в Америке. А «бычки», это, видимо, те, которые сбросили вас с моста?

– Совершенно верно, и не одну меня, – радостно воскликнула я.

Радость моя, понятно, относилась не к мосту, а к сапогу, который вдруг удачно натянулся на ногу.

– А почему эти «бычки» вас сбросили? – без всякого интереса спросил мужчина.

Спросил, видимо, из одной только вежливости.

Тут и второй сапог поддался моим энергичным «уговорам».

– Ура! – воскликнула я и вскочила на ноги, но тут же вернулась на корягу и сунула ноги прямо в костер.

«Черт с ними, с сапогами, их, как и пальто, все равно придется выбросить, зато подошвы прогреются и подсохнут,» – решила я.

Мужчина, увидев, что мне некогда уделить ему внимание, поскольку я занята собственными неотложными делами, вежливо произнес:

– Извините, я видимо задал бестактный вопрос. Если не хотите, не отвечайте.

– Что? – с презрением воскликнула я, деловито поворачивая над костром свои ноги. – «Почему меня с моста скинули?» Вовсе и не скинули! Фиг им это удалось! Я упала сама, чем и горжусь.

В глазах мужчины отразилось непонимание, а мне все же хотелось произвести приятное впечатление.

«Надо хоть в чем-то с ним согласиться, мужчины это любят,» – подумала я и добавила:

– Но в одном вы правы: скинуть действительно очень хотели, а все потому, что я случайно увидела, как эти негодяи сбросили с моста одного болвана. Вот он-то оказался настоящим трусом и совсем не сопротивлялся, зато со мной им пришлось изрядно горя хлебнуть.

– Вы сопротивлялись? – усомнился он.

Мне стало обидно. Что за сомнения?!

– Я бесстрашная, – горделиво заявила я, – и готова сама лезть на рожон. Вот что наделала моя итальянка-прабабушка, смешавшая свои гены с польской и русской кровью. Это же просто гремучая смесь. Вы, кстати, тоже храбрец и настоящий мужчина – не побоялись прыгнуть в холодную воду, чтобы спасти незнакомую женщину. Не то, что болван, которого «быки» запросто с моста сбросили.

– Да, не побоялся прыгнуть в холодную воду, – согласился мой спаситель. – Тем более, что я только-только оттуда выбрался.

– Только выбрались? – изумилась я. – Вы что, морж?

– Нет, я тот болван, которого сбросили с моста, – болван, если следовать вашим определениям.

И американец посмотрел на меня с укором.

Ну как тут не всплеснуть руками? Вот и производи приятное впечатление. Да-а, не у всех есть на это талант.

– Ах! – изумилась я. – Это вы! Ну как мир тесен! Простите меня, пожалуйста. Беру обратно свои слова. Вы не трус и доказали это. А то, что не сопротивлялись, так, думаю, были на то у вас причины.

– Тот, кто убегает от страшного бедствия, иностранного вторжения, ужасной женщины и от компании порочных людей – спасется, – невозмутимо изрек мужчина и тут же пояснил свою мысль: – Мне было проще прыгнуть с моста, чем продолжать общаться с этими недостойными людьми, тем более, что я не умею тонуть даже в холодной воде, а до берега было совсем недалеко.

В знак согласия я энергично кивнула головой и воскликнула:

– Тоже думала, что не сумею утонуть, но пальто оказало мне в этом неоценимую помощь, нетрудно предположить где была бы я, если б вам не пришло в голову меня вытащить. Кстати, не люблю недомолвок. Вы сказали: «Тот, кто убегает от ужасной женщины.» Не меня ли вы имели ввиду?

– Не могу утверждать, что вы образец для подражания, – уклончиво ответил мужчина.

Ну как тут не возмутиться? Я ему еще не сделала ничего плохого, а он уже едва не сжег мое пальто и еще чем-то недоволен. Он что думает, если красив как бог, так и позволять себе может лишнее? Я тоже не урод.

– Знаете что! – закричала я. – Вы испортили мое дорогое пальто! Вы практически надо мной надругались, раздев меня догола и оставив как дуру в ваших объятиях лежать! Лежать и все! И больше ничего! Кто это потерпит? К тому же вы все время читаете мне свои дурацкие нотации! Занудствуете! Злоупотребляете моей к вам симпатией! А что я? Я все терплю, так чем же вам не нравятся женщины?

– Женщины в два раза голоднее, в четыре раза пугливее, в шесть раз нахальнее и в восемь раз похотливее, чем мужчины, – бесстрастно пояснил он.

От возмущения я спрыгнула с коряги прямо в костер. Слава богу в почти потухший.

– Теперь ясно для чего вы меня спасли, – закричала я. – Для того, чтобы было кому говорить гадости. Видимо вы без этого не можете.

– Вовсе не хотел вас обидеть, всего лишь повторил слова великого мудреца.

Он почти оправдывался, и я смягчилась.

– Ладно, проехали, – сказала я. – Если честно, я тоже не сразу прониклась симпатией к вам. Сначала я вообще вас за «братана» приняла, но теперь, когда стало ясно, что вы иностранец... В России спокон века любят иностранцев, всех подряд, всякую дрянь, рвань... В том наша пагубная традиция.

– Это я сразу понял, – с некоторой иронией согласился мужчина, усмехаясь и кивая на мост, с которого не так давно слетел. – Видимо не все следуют традициям.

– Видимо, да, – согласилась я.

Должна сказать, что мост был совсем неподалеку. Если бы «братанам» пришло в голову проверить как там нам тонет, то много времени на поиски наших тел у них не ушло бы. Представляю их разочарование: тела не только высушены и согреты, но еще и флиртуют. Во всяком случае одно из них – точно.

И тут меня осенило: «Сумочка! Она же осталась там, на самом краю!»

С этим воплем я и сорвалась с места. Сорвалась и ринулась прямо к мосту. Мой спаситель что-то кричал мне вслед, но разве до этого мне было. На ходу я засунула руки в рукава пальто, на ходу застегнула пуговицы, машинально залезла в карман... и нашла там пистолет. В другом кармане лежали ключи от моего «Мерседеса», оставленного на обочине дороги метров за сто до моста.

На мост я влетела размахивая пистолетом, и сразу же устремилась туда, где сидела ночью свесив ноги. Сумочки не было.

– А-а, черт! – выругалась я.

– Что случилось? – спросил мужчина, который оказывается бесшумно бежал за мной. – И спрячьте, пожалуйста, свой пистолет.

– Это не мой.

– Тогда почему вы так упорно не хотите с ним расстаться? Я не без труда извлек его из ваших рук даже тогда, когда вы были без чувств.

– Почему? Вы еще спрашиваете? Разве можно в нашей стране прожить без оружия? У нас даже пословица такая есть – тяжело в деревне без нагана. А я даже с наганом попала в переделку и в конце концов лишилась чувств...

И тут до меня дошло: это же он лишил меня чувств. Ну, да, я огрела его пистолетом, а он... Уж не знаю, чем он там меня огрел, но сознание я потеряла сразу.

Пока я размышляла, мой спаситель взмолился:

– Прошу вас, уберите, пожалуйста, ваш пистолет.

– Вы жестокий, – пристыдила я его, неохотно пряча в карман пистолет. – Зачем вы ударили меня?

Он даже не смутился и спокойно пояснил:

– Вас иначе невозможно было спасти. Думаю, вы всегда сопротивляетесь: и когда вас топят, и когда спасают. Пришлось немножко оглушить.

– Немножко. Мягко сказано, до сих пор голова чугунная. Господи, ну что я теперь буду делать? – без всякого перехода обратилась я прямо к Всевышнему, беспомощно шаря глазами по мосту.

– А что случилось? – флегматично поинтересовался мужчина.

– Документы потеряла! – закричала я. – Здесь на мосту лежала моя сумочка, а в ней паспорт, деньги и права. Как я теперь без прав поеду, да еще в таком неприличном пальто? Хорошо, хоть машина на месте.

«Мерседес» действительно маячил вдалеке красным пятном. Именно там, где я его и оставила.

Я тоскливо глянула на то место, где лежала моя сумочка, вздохнула, посмотрела на «Мерседес», на босые ноги своего спасителя и спросила:

– А где ваши туфли?

– Не волнуйтесь за меня, – успокоил он. – Вам бы побыстрее добраться до дома, отогреться и выпить горячего молока. Весна весной, но лед на реке. Столь раннее купание вряд ли пойдет на пользу, особенно с непривычки.

Меня передернуло:

– Вы правы. Надо же, чуть не утопилась в этой загородной луже. У нее хоть название есть?

– Есть: Клязьма.

– О боже! – возмутилась я. – Чуть бесславно не погибла в какой-то клизме! Ну, да ладно, действительно пора домой. Хотите, вас подвезу?

Мужчина ласково улыбнулся, но отрицательно покачал головой.

– В чем дело? – возмутилась я. – Нельзя же быть таким скромным. В нашей стране скромность на пользу не идет, впрочем, как и в любой другой. Поспешите за мной, у вас ноги замерзли.

– Нет, я не пойду, – мягко, но решительно возразил он. – Вы идите, а я останусь здесь на мосту.

Трудно передать то удивление, с которым я взглянула на него. Взглянула и... Ну до чего же красив! И вроде даже умен...

– Хорошо, – сдалась я, – стойте здесь, сейчас к вам подъеду.

И я, еще раз зачарованно глянув на спасителя и на его фингал, отправилась к своему «Мерседесу».

«Как красив! Как красив!» – пульсировало в моей голове.

Естественно, после мыслей таких на полпути не выдержала и обернулась – его не было на мосту. Исчез, словно испарился.

«Не в воду же он опять сиганул?» – подумала я.

Словно ножом по сердцу моему полоснуло. К столь внезапному расставанию я готова никак не была и со всех ног припустила обратно, заметалась по мосту, с содроганием посмотрела вниз – река по-прежнему катила ледяные воды свои. На темной глади не было волнения. Я сошла на берег, бегала там, кричала, звала, заглядывала под каждый куст, даже сгоняла к нашему шалашу...

Его нигде не было.

Хоть плачь.

Раз в жизни встретила достойного мужчину и не смогла удержать. И куда он делся? Куда пошел голодный и босой? И в этой своей ужасной пижаме? Пропадет же без меня! Пропадет!

Грустная постояла я у тлеющего костра и поплелась к машине.

Слава богу, до Москвы я благополучно добралась, бросила во дворе машину и бегом домой. Уже выходя из лифта вспомнила, что ключи остались в сумочке, а сумочка пропала; пришлось звонить, чего ужасно не хотелось. Дверь открыла баба Рая и сразу же завела свою шарманку:

– Явилася, не запыхалась! И дей-то носило тя, макитра, усю ночь?

На этом опасном месте баба Рая заметила желтые пятна на моем шоколадном пальто и запричитала:

– Ай, да божечки жа ж! Ай да что жа ж это такая деется? Дорогую жа ж вещь, макитра жа ж ты эдакая, перевела! И где жа ж это лазить так надо жа ж было, чтобы этак вот обезобразиться? Я жа ж тыщу раз те говорила, что ты уся жа ж непутевая, так нет жа ж, не слушает жа ж!

– Баба Рая, не жужжи! – возмутилась я. – И без тебя тошно. Не видишь, неприятности у меня.

Баба Рая всплеснула руками:

– Какие жа ж неприятности? Ты жа ж сама ходячая неприятность!

– С моста я упала, промерзла вся.

– А чего еще от тебя ждать! – возликовала баба Рая. – Чуяло мое сердце...

– Баба Рая! Прекрати! – возмутилась я. – Где Санька?

– Дык спит жа ж еще.

– Поскорей его буди, корми и марш гулять, а я иду принимать ванну. Кстати, мне не звонили?

Баба Рая изумилась:

– Дык как жа ж? Этот жа ж, дубильник жа ж твой с тобой. Рази ж не звонили жа тебе на него?

– Мобильник был в машине, а я...

Я осеклась и, желая избежать подробностей, махнула рукой и отправилась в ванную.

– Звонили жа ж тебе уже жа ж сто раз, – крикнула вдогонку баба Рая.

Ну что она за человек? В простоте ни слова, обязательно надо сначала голову поморочить.

– Кто звонил? – возбуждаясь, закричала я, потому что желала получить как минимум три звонка: он блудного мужа Евгения, от будущего любовника Буранова, невежливо брошенного в ресторане, и от своего спасителя американца.

Каким образом мог позвонить мне спаситель, который даже имени моего не знает, я понятия не имела, но желала этого больше всего. В голове не укладывалось, что никогда его больше не увижу. Внутри все восставало при этой ужасной мысли.

Поэтому, окрыленная невесть откуда взявшейся надеждой, я закричала:

– Кто звонил?

Баба Рая пожала плечами:

– А фиг его знает.

До общения со мной она говорила «бог его знает», но, продвинутая столичной жизнью, овладела общепринятой лексикой. Зато я, грешница, стала зачастую поминать Господа всуе.

– Бог ты мой! – закричала я. – Баба Рая! Долго ты будешь голову мне морочить? Быстро говори, кто звонил: женщина или мужчина?

– Дык голос был мужской.

Ха! Я как минимум трех жду мужчин!

– Не Евгений? – осторожно поинтересовалась я и добавила: – Он в командировку уехал.

– Дык знаю, – озадачила меня баба Рая.

Ну все она знает, за что ни возьмись. Спрашивается: откуда?

– Следовательно, не Евгений, – на всякий случай уточнила я.

– Не ён, – поджимая губы, подтвердила она. – Другой, разбитной голос, с блатнецей.

«Значит и не Буранов, тот периодами косит под интеллигента и с посторонними сама любезность. И уж тем более не мой спаситель, – с огромным сожалением подумала я. – У того акцент, который трудно не заметить.»

– Усю ночь, подлюка, звонил, – доложила баба Рая. – Спать же ж не давал.

– И чего хотел?

– Дык рази же ж мне скажет? Софью Адамну усё просил. Я вежливо ему же ж указала, шоб шел куда. Дык ен даже ж ругнулся же ж на меня некрасиво три раза. Тьфу! Тьфу! Шоб большего не сказать!

И она выразительно посмотрела на мое замызганное подгоревшее пальто, мол чего еще от меня ждать, мол такие у меня и знакомые.

– Буди Саньку, – напомнила я, бросила в прихожей пальто и отправилась в ванную.

Набрала воды погорячее и с громадным наслаждением погрузилась в пену. Лежала, прислушиваясь к своему многострадальному организму: как – он? Не собирается ли болеть?

Организм болел местами, но все больше от ушибов, полученных в ходе неравной борьбы с «братами». Если не считать синяков, я была здорова и наслаждалась на всю катушку. Горячая ванна после купания в ледяной реке – вершина наслаждения.

Долго нежиться мне не пришлось. В дверь постучала баба Рая.

– Ну, что там еще? – возмутилась я.

– Молоко горячее пришло, – строго ответила баба Рая. – Уже же ж глянула я на твое пальтецо, оно же ж усё же ж мокрое. Так же ж и простудиться же ж недолго.

Я вспомнила рекомендацию своего спасителя и сказала, открывая дверь и впуская бабу Раю:

– Ладно, давай сюда свое молоко.

Она подала мне чашку на блюдечке и, поджимая губы, повела:

– С медом, с калиной, с горчицей, с малиной. И водочки для смазки горла добавила.

– Бррр! Гадость какая! Уж слишком крутые меры.

– Пей, дочка, пей!

Зная настырность бабы Раи, я залпом выпила и, когда она наклонилась ко мне за чашкой, благодарно чмокнула ее в щеку.

– Это ще зачем? – буркнула баба Рая, демонстративно вытирая щеку фартуком. – Я те не мужик, шоб такие нежности.

Важничая, она вышла из ванной, но довольная улыбка предательски блуждала на ее сухих губах.

* * *

Досыта належавшись в ванной, я вылезла, растерлась жестким льняным полотенцем, накинула махровый халат и отправилась на кухню. Самочувствие было прекрасное, даже ни разу не чихнула. Видимо права была баба Рая, когда обзывала мое здоровье лошадиным.

На кухне меня ждали завтрак и записка. Санька, не дожидаясь школы, научился писать и на каждом шагу с удовольствием демонстрировал свое искусство. По тетрадному листу и вкривь и вкось скакали буквы разного размера: «Мамуля куший иишницу с виччиной, а мы гуляим». Знаками препинания Санька пока еще пренебрегал.

Растроганная, я прижала записку к губам и подумала: «Как быстро вырос сынуля. Скоро в школу пойдет, а там в институт, а там и женится, а там уж и до внуков рукой подать...»

В эту милую мысль безжалостно ворвался телефонный звонок. Я схватила трубку и услышала:

– Софью Адамну Мархалеву хочу.

Голос был очень низкий мужской абсолютно незнакомый, с блатным распевом. Мне бы быть умней и подальше его послать, я же ничего лучшего не придумала, как вступить в беседу.

– Софья Адамовна вас слушает, – приветливо сообщила я.

Нет, ну надо быть такой редкостной дурой! Ничему меня жизнь не учит.

– Как, блин, слушает? – поразился голос.

– Ушами слушает, как же еще? А вы что, практикуете другой метод?

– Да нет, блин, ты не мути, а конкретно скажи, кто это – Софья Адамна?

– Да я это, я. Я, Софья Адамовна Мархалева, чему и сама не рада.

Бедный, совсем растерялся, ну никак поверить не хотел в свое счастье. Так энергично чесал в затылке, что даже в трубке был хруст слышен.

– Нет, я не понял. Так Мархалева – ты что ли? Да, блин, почему?

– Да потому, что отец мой был Мархалев, и с такой неприличной фамилией не видать бы ему моей красавицы матери как своих ушей, когда бы не удачное имя Адам, столь милое моей бабуле. Имя это напоминало ей ее незабвенного отца – бабуля тоже была Адамовна – по этой причине она и согласилась на тот неудачный брак, который недолго продержался и распался сам собой, поскольку мама моя была женщина необыкновенная, видимо поэтому она и мало прожила, ведь хорошим людям всегда...

– Спокуха!!! Спокуха-спокуха-спокуха! – взмолился мой приблатненный собеседник. – Ну тебя, блин, и несет. Тормозить, блин, совсем не умеешь. Ты мне, блин, чисто конкретно скажи: ты это или не ты?

– Конечно я – это я. А вот кто ты? Впрочем, догадываюсь. Это ты что ли, Феликс? – я перешла на сокровенный шепот.

Мой собеседник, похоже, опешил, потому что выдержал рискованную паузу, в которую я запросто могла бы вставить новый монолог минут эдак на двадцать, но я ждала ответа.

– Ну ты, блин, даешь! – наконец выдохнул он. – Да нет, я не Феликс, но типа него. Так значит ты и есть Мархалева?

– Абсолютно, – заверила я.

– Нет, я не понял. Нет, ты не гонишь?

– Конечно не гоню. Даже не представляю как это делается.

– Ну, я попал! Да нет, ты гонишь! Ежики-то не складываются.

Я удивилась:

– При чем тут ежики?

– Тебя же, блин, того... Нет, я не понял, сколько же вас, Мархалевых?

– В этой квартире, слава богу, я одна. Зря вы не позвонили в соседнюю квартиру, там проживает Старая Дева, она, правда, тоже одна, но любит мужское общество, с ней бы у вас получилась более оживленная беседа, потому что...

– Спокуха! – зверея, прорычал тот, который типа Феликса. – Спокуха. Ты, блин, совсем без тормозов. Атас полный. Не догоняю, почему ты, блин, до сих пор живешь. Я аж взмок, так непросто с тобой добазариться. Слушай сюда: значит в этой квартире Мархалева одна?

– Зуб даю, – заверила я, стараясь говорить на языке более доступном.

– Ага, значит в этой квартире Мархалева ты одна. А в другой?

– За другие я не в ответе.

– Ну нет! – с новым жаром воскликнул он. – Нет, я не понял! Ты же, блин, сама туда того, булькнула прямо с «пушкой».

– И не надейтесь, – предупредила я и на всякий случай добавила: – «Пушка» – да, утонула, а со мной ни фиги не вышло.

– Ну ты гонишь!

Мне это стало надоедать; такой тупости я не встречала, хоть и немало повидала на своем веку.

– Странно, – воскликнула я. – Вы звоните, хотите услышать Софью Адамовну, а когда ваше желание исполняется, вы никак поверить этому не можете.

– Не въезжаю, точно, да как же, блин, я въехать могу, – вспыхнул мой собеседник, – когда ты, блин, должна в холодной воде в жмурки играть.

– Ну, вы опомнились, молодой человек, – рассмеялась я. – Я и в холодной воде уже побывала, и в теплой, и даже успела влюбиться и напиться горячего молока и теперь собираюсь завтракать, так что не мешайте мне, пожалуйста, пока вежливо вас прошу.

С чего я вдруг так обнаглела, понятия не имею, но мне тут же дали знать, что я опять неправа.

– Ты вот что, бикса позорная, – отбросив зачатки вежливости, рявкнул мой собеседник, – не дергайся, дома сиди, я, блин, щас подскочу. Перетру с тобой кое-что по-быстрому.

– Что значит – перетру? Вы что, ко мне что ли собираетесь приехать?

– Ну ты, блин, тормоз!

– На вас не угодишь, – обиделась я. – То я – тормоз, то тормозить совсем не умею. Говорили бы понятней, чего хотите.

– Приеду – скажу, – пообещал он. – Ты только не дергайся, сиди и жди, не обижу, перетрем кое-что по-быстрому и отчалию.

Я слегка струхнула и тут же выдвинула встречное предложение:

– Давайте по телефону перетрем. Если вы насчет того инцидента на мосту, то можете быть уверены: я никому не расскажу. Вас я давно простила, так что можете смело про меня забыть. Лично я уже про вас забыла, хоть убей – припомнить не могу, что было на том дурацком мосту.

– Ты забыла, а мне не хочется, – зверея, сообщил мой собеседник, после чего у меня отпали последние сомнения: конечно же это он, которому я задвинула между ног коленом.

«Нет-нет, – паникуя, подумала я. – Что угодно, но только не личная встреча. Лучше решать такие вопросы по телефону. И почему решили начать с меня? Ведь есть и другие участники этой истории.»

– Умоляю, – воскликнула я, – не тратьте свое драгоценное время. Зачем вам ехать ко мне? Лучше займитесь тем, которого сбрасывали с моста.

«Любовь любовью, – подумала я, – но он наверняка сейчас в гораздо меньшей опасности. Пойди еще его поищи – как он умеет пропадать, а я вот она, сижу здесь и абсолютно беспомощна. Он же хитрый, он же не догадался оставить братве сумочку с документами. Такое только в мою пустую голову может придти.»

– Ты что там гонишь? – зверея, поинтересовался «братан». – Ты что, про лоха?

– Не гоню, а правду говорю, – обиделась я. – Надо было лучше топить вашего лоха. Эти иностранцы бывают необъяснимо живучи. Хотя, лично я очень ему благодарна, он меня спас. И вам благодарна, что вы меня с ним свели. Более того, хотела вас об одолжении просить. Я внезапно с ним рассталась, но очень хотела бы встретиться вновь. Умоляю, если вы его найдете, сообщите, пожалуйста, мне адрес. Буду вам несказанно благодарна.

– Будешь, еще как будешь, – пригрозил «братан» и повесил трубку.

– Вай ме! – воскликнула я. Люблю иногда блеснуть грузинским. – Равкхна, что мне делать теперь? Этот болван и в самом деле припрется сюда! С какой целью, тоже понятно.

Я прикинула, что баба Рая будет гулять с Санькой до обеда, потом она дождетсА Акима во дворе.

Аким обещал отремонтировать в туалете сливной бачок, следовательно домой они пойдут втроем, а если Аким захватит в помощники собутыльника, то и вчетвером. Братан же, как я поняла, будет один...

Не станет же он чинить разборки с бабой Раей, да еще при Акиме и его собутыльнике. К тому же, если за бабу Раю вряд ли кто вступится, то Аким очень ценный в нашем доме человек. За него оторвет голову любой, а в нашем доме живет все мужик не слабый – все боевой и

тренированный. Вот взять хотя бы нашего борца Борю, у которого джакуззи чуть ли не каждый день требует ремонта, а кто это будет делать, если не Аким? Боря ремонтировать ничего не умеет, но зато прекрасно умеет ломать.

Рассудив таким образом, я подумала, что самым разумным будет единственное: если я покину квартиру до прихода незваного гостя. Даже если он решит посторожить под дверью, Саньке и бабе Рае ничего не грозит.

Но не могла же я уйти в махровом халате. Пришлось оперативно приводить себя в порядок, а оперативно я не умею: вместо ресниц я тушью накрасила брови, губы выехали за свои пределы, а они у меня и без того немаленькие, румяна слишком густо легли. Убейте меня, понять не могу зачем я ими пользуюсь, когда и свой румянец девать некуда, особенно когда прихожу в движение, а я всегда в него прихожу.

«Соберись выступать на арене цирка, – подумала я, уныло глядя на себя в зеркало, – цены бы мне не было, но на улицу выходить с таким макияжем рискованно. Придется умыться и все повторить.»

Не могу сказать, что второй раз у меня получилось лучше, но я решила больше не рисковать. Махнула рукой и помчалась в спальную. Достала из шкафа куртку, джинсы, свитер. Оделась, положила в карман ключи от машины и попробовала отыскать кроссовки, но не тут-то было. Всю обувь, как корова языком слизала. Это меня и спасло.

Я вдруг вспомнила, что в зале стоит старинная тумбочка для рукоделия, которую баба Рая почему-то приспособила под обувь. Я помчалась в зал, но и там не нашла кроссовок, быстро изменила решение и схватила спортивные ботинки, даже успела натянуть один на ногу, когда раздался скрип, характерный только для входной двери. Моему слуху и собаки завидуют.

– Баба Рая! – закричала я. – Вы что, уже так быстро вернулись?

Ответа не последовало. Это меня насторожило, потому что баба Рая всегда с таким шумом в квартиру входит, что об этом тут же узнают и все соседи, не то что я, а здесь явно кто-то крался. На это баба Рая в принципе не способна.

Обуваться было некогда, я схватила второй ботинок и выскочила на балкон. На этот балкон, должна сказать, можно войти сразу из трех комнат: из детской, из гостиной и из зала, откуда я и вошла. Уже на балконе я вспомнила, что в оставленной на мосту сумочке были ключи от квартиры, а следовательно отпали последние сомнения: крадется конечно же «братан». Тот, которому я – коленом.

Когда же я ползком добралась до окна гостиной и заглянула в него, то зашлась от страха и подумала: «Это он, из тысячи узнаю его отвратительную физиономию. Зачем-то полез в Женькин шкаф. Видимо, думает, что я там спряталась. Неровен час и до балкона доберется.»

Я заметалась: куда? Куда деваться? Сама на балкон, дура, выскочила, теперь только бери и сбрасывай меня с девятого этажа, как ненужного свидетеля.

И тут мне пришло в голову, что по балкону можно выскользнуть через соседние квартиры. Нас отделяют перегородки, которые помеха ну разве только для бабы Раи и то, если у нее разыгрался радикулит. В противном случае и баба Рая эту преграду осилит.

Я решила лезть на соседний балкон, оставалось только выбрать на какой именно. С одной стороны проживала Старая Дева, которая в это время обычно дома, но, понятно, в восторг от моего оригинального визита не придет.

С другой стороны жил профессор Нефедов, который был бы предпочтительней, поскольку и обрадовался бы мне сердечно, и вообще он жил в другом подъезде, что идеально для избежания преследования, но Нефедов есть Нефедов. Он по полгода торчит в своих экспедициях, и кто его знает сколько месяцев мне придется сидеть на балконе в ожидании его возвращения.

Невольно пришлось остановиться на Старой Деве. Так как каждая секунда была дорога, я не стала тратить время и надевать второй ботинок, а торопливо спрятала его под куртку,

повыше затянула замок-молнию и бодро закинула свою длинную обутую ногу через ограду прямо на балкон к Старой Деве.

И тут же порадовалась, что не закинула ту ногу, которая защищена одним лишь шерстяным носком – чертова Жулька, собачка Старой Девы, жестоко вцепилась в мой ботинок и, демонстрируя крайнюю ярость, принялась рычать и грозно трясти головой. Там той Жульки – тьфу! – но визгу много, что совсем некстати.

– Ах ты моя халосая, – засюсюкала я, но Жулька на ласку не клонула, видимо не простила мне прошлые обиды.

Я сидела на ограде, разделенная надвое перегородкой, и не могла спрыгнуть ни туда ни сюда.

«Долго так продолжаться не может, – горестно думала я, – хоть нас и разделяют две комнаты, но рано или поздно „братан“ обратит внимание на истерику Жульки, и тогда мне не поздоровится.»

Не знаю, чем кончилось бы дело, не заинтересуйся Старая Дева лаем своей Жульки. Сгорая от любопытства и ломая голову над тем, что могло ее моську разволновать, Старая Дева выползла на балкон и, увидев меня, мгновенно присоединилась к Жульке. Она затрясла тем, что у нее было вместо волос – бигуди – и зашлась заливистым лаем:

– Что здесь происходит? Вы совсем обнаглели! Что вы себе позволяете?

– Еще и позволить себе не успела, как все вы в истерику, – с осуждением ответила я. – Лучше уберите свою сучку, не видите, она изгрызла мой стодолларовый ботинок.

Старая Дева такой заурядный ответ восприняла как личное оскорбление.

– Плевать мне на ваш ботинок, и это не сучка! – взвизгнула она. – Запомните вы когда-нибудь или нет? Это кобель!

– Кобель? Очень приятно! Думаете от этого мой ботинок пострадал меньше? Если не уберете своего кобеля, увидите что с ним будет, – пригрозила я. – Уж в чем в чем, а в общении с кобелями я поднаторела.

Старая Дева знала меня с детства и потому поспешно схватила на руки своего кобеля, после чего я тут же спрыгнула на ее балкон. Поскольку в ее квартиру через балкон я заходила впервые, то сейчас же задала законный вопрос:

– Где выход?

– Там же где и вход, – мудро ответила Старая Дева, со всей нежностью прижимая к себе нервного Жульку, продолжавшего заливисто выражать свое крайнее возмущение.

Я не стала связываться, плюнула и помчалась искать выход и очень быстро нашла. Старая Дева бежала за мной по пятам, подзадоривая Жульку и вторя его осипшему лаю.

В таких адских условиях пришлось справляться с четырьмя замками – Старая Дева панически боялась воров, хотя в квартире ее совершенно нечего было красть, разве что медалиста Жульку.

Пока я панически терзала замки, Старая Дева страстно желала знать, в чем смысл моего необычного посещения. Естественно, я не могла тратить время на подробности и, пообещав просветить ее в ближайшем будущем, справилась с последним запором, энергично распахнула дверь и бодро выбежала на лестничную площадку.

И нос к носу столкнулась с «братаном».

Чертов Жулька сделал свое дело – «братан» меня упредил.

На какую-то секунду я почувствовала себя покойницей, но очень быстро нашлась. Меня спасла Старая Дева. Эта дурочка, не расставаясь с припадочным Жулькой, выбежала на лестничную площадку следом за мной, за что тут же и поплатилась: не раздумывая я бросила ее в объятия «братана». От неожиданности тот не устоял, и все они – Старая дева, Жулька и «братан» – покатались по ступеням.

Жулька – молодчина – хорошо знал свое дело: сходу вгрызся в «братана», я догадалась об этом по его выразительному мату. Естественно, мне было до смерти любопытно какое именно место пострадало, но узнать не было никакой возможности, поскольку надо было спасать все свои места.

Я возбужденно нажала на кнопку лифта, но тут же поняла, что это глупая затея: пока лифт придет, «братан» успеет вдоволь наобщаться с Жулькой и займется мной. Поскольку лестницу перекрыла Старая Дева и все остальное, оставалось одно: бежать вверх.

Выбор оказался невелик, наверху – только крыша, куда я и припустила. Упала я на то, что успею заблокировать люк, и, пока «братан» будет его штурмовать, спокойно покину крышу через люк соседнего дома, который вплотную примыкает к нашему. Таким образом я попала бы прямо на проспект, откуда удирать одно удовольствие.

Однако, планам моим не суждено было сбыться. Я благополучно преодолела хлипкую железную лестницу, не без труда открыла люк, выбралась на крышу и тут же зашла в тупик.

Каким образом воспрепятствовать «братану», я понятия не имела.

Чем тут заблокируешь этот чертов люк, когда под рукой нет ничего, кроме ненадетого все еще ботинка. Можно, конечно, на этом люке просто сидеть. Благодаря моему аппетиту, в последние месяцы вес у меня образовался немалый. Вряд ли «братан», стоя на хлипкой лестничке, выжмет те семьдесят килограммов, которыми я обросла, но он же может и не выжимать. Возьмет и пойдет с тылу через люк соседнего подъезда, а я как дура буду здесь сидеть. Можно, конечно, и не сидеть, а сразу же, как только он перестанет меня выжимать, бежать к соседнему дому, но кто его знает не хитрость ли это? Вдруг он задумал меня обмануть: я сойду, а он люк откроет, выскочит на крышу, в два счета догонит меня и...

Даже не хотелось о дальнейшем думать, тем более, что по лихорадочному бряцания лестницы было ясно – «братан» уже ломиться наверх.

После секундного размышления, я бросила люк и помчалась по крыше в сторону соседнего дома. Ориентировалась я неплохо, хоть сама здесь раньше и не была, но многое знала из рассказов сына, которые приводили меня в шоковое состояние. Санька вырос и страдал жуткой любознательностью. Крыша дома для него не предел, он даже пробовал уже забираться на прожекторную вышку стадиона...

Впрочем, я не о том. Выбрав направление, я со всей возможной скоростью понеслась к крыше соседнего дома, но не сделала и пяти шагов, как услышала за своей спиной жуткий топот.

– Стой, сучка, стой! – понеслось вслед.

Это лишь добавило мне скорости, но направление я изменила, потому что наша крыша была родней и удобней для маневров. Соседняя – сплошь утыкана трубами и строениями, смахивающими на беседки.

Я бежала, не помня себя. Нет смысла, думаю, пояснять куда ушла моя душа.

«Догадалась бы Старая Дева вызвать милицию, – улепетывая, мечтала я. – Ну хотя бы для того, чтобы натравить ее на меня. Так нет же, не вызовет. При других обстоятельствах обязательно вызвала бы, а сейчас не вызовет. И чем мне поможет милиция? За то время, пока они расчухаются, „братан“ раз десять успеет сбросить меня с крыши, а я так боюсь высоты. Нет, что угодно, но только не эта смерть. Уж лучше пускай застрелит, сволочь. Буду бегать по крыше, пока хватит сил. Живой не дамся,» – решила я.

Бежать было бы гораздо удобней, надень я второй ботинок, но такой возможности не представилось – каждая секунда была не счету. Пришлось хромать. С другой стороны, шершавый шерстяной носок позволял резко тормозить, что способствовало маневрам – крыша-то имела пределы. У меня перед «братаном» даже появились некоторые преимущества: стайером он оказался плохим, обнаружил очень средненькую форму и так пыхтел, словно уже осилил километровый кросс. А ведь мы с ним и трех кругов не изобразили по этой чертовой крыше.

Это немного вдохновило, и я подумала: «Хоть бы кто нас заметил. Вряд ли, раз это так нужно мне, но „братан“ здесь не в выигрыше.»

Поскольку силы у нас были примерно равные, то, говоря шахматным языком, ситуация становилась патовой. Сколько бы мы ни бегали, расстояние между нами не уменьшалось и не увеличивалось. Причем, это было недостаточное расстояние для того, чтобы я рискнула воспользоваться каким-нибудь люком. Соберись я покинуть крышу, «братан» тут же настиг бы меня и...

Даже думать об этом не хотелось.

Но с другой стороны надо было срочно что-то предпринимать, я катастрофически теряла силы. Купание в ледяной воде на пользу тоже не пошло – организм ослаб, думаю, в борьбе со стихией.

«Еще немного и железную лестницу не преодолеть, – запаниковала я. – Просто упаду.»

Решив прибегнуть к хитрости, я для начала вступила в переговоры.

– Чего вы от меня хотите? – не останавливаясь, спросила я.

– Притормози... узнаешь... – пыхтя порекомендовал «братан».

Я с удовольствием отметила, что дыхание у него прилично сбито, я же еще держалась, следовательно есть надежда. Надо подольше его здесь покрутить, а потом внезапно выкинуть один фортель, и я уже примерно знала какой.

– Чувствую, вам нетерпится сбросить меня вниз, – с обидой крикнула я.

– Зришь... прямо... в корень, – с трудом переводя дыхание, ответил «братан», не сбрасывая скорость.

– А к чему такие сложности? Почему бы вам просто меня не пристрелить, – тоже не сбавляя скорости, посоветовала я и добавила: – Я даже не против.

– Ну ты, блин, моросишь, – не одобрил моего совета «братан».

Крыша на мою беду была плоская, совершенно невозможным казалось предпринять те меры, которые я наметила. На громадном поле всего два выхода, возвышающиеся невысокими домиками, в которые, чтобы попасть к заветному люку, забираться пришлось бы едва ли не на карачках. Быстро туда не шмыгнешь и спрятаться абсолютно некуда. Бегай, хоть до второго пришествия, а нервы мои уже ни к черту.

«Надо как-то скрыться с глаз этого „брата“ хотя бы на десять секунд, – паникуя, подумала я. – Этого времени, надеюсь, хватит, чтобы перебежать на крышу соседнего дома и прыгнуть на балкон.»

В соседнем доме были широченные просторные балконы, не то что в нашем. Трудно было промахнуться, прыгая на них с крыши. Ноги сами понесли меня туда.

Сделав пару кругов и достаточно изучив незнакомую местность, я пришла к выводу, что эта крыша находится в гораздо лучшем состоянии, чем наша, которую давно не чинили. К тому же мне очень понравились беседки над люками для выхода на крышу. В отличие от наших – низеньких и глухих – эти беседки были достаточно высоки и даже имели окна, что особенно радовало глаз. Радовало и то, что имелся выбор: беседок было много. Я насчитала целых пять, видимо по количеству подъездов дома.

Пробежавшись для разминки туда-сюда, я собралась с силами и рванула с той скоростью, на которую только была способна, говоря спортивным языком: продемонстрировала умопомрачительный спурт. Это позволило мне несколько увеличить дистанцию между мною и «братаном». Воспользовавшись преимуществом, я юркнула в беседку, делая вид, что решилась-таки спуститься в подъезд, а сама, не трогая люка, охваченная ужасом, сразу же вылезла в окно.

«Братан» огибал беседку с другой стороны и, конечно же, не заметил, что я, сотрясаясь от страха, притаилась у противоположной стены. Он простодушно следом за мной бросился в беседку и энергично начал открывать люк, думая, что я успела им ловко воспользоваться.

Судя по всему «братан» даже не заподозрил, что я осталась на крыше. Размер окошка не предполагал, что в него можно чуть ли не с разбегу проскочить. Я и сама так не думала, пока мне не удалось сделать это.

Должна сказать, что прыгая в окошко, я рисковала: крышка люка ведь могла и не открыться.

«Тогда замысел мой раскроется и повторить его у другой беседки будет невозможно, – сжимаясь от страха, подумала я. – Останется лишь уповать на то, что кто-нибудь нас увидит и вызовет милицию или управдома. Мне бы, конечно, хотелось – управдома: он агрессивней гиены, раза в два крупней „братана“ и ходит обычно с целой свитой из техников, слесарей и общественных деятелей нашего двора, так сказать, с местной политической элитой. „Братану“ не поздоровится, если эта свора обнаружит его на крыше. Я же могу не переживать, поскольку давно с управдомом контакт наладила и сумею мгновенно до его сведения довести, что на крыше оказалась под давлением обстоятельств. Когда управдом поймет кто меня сюда загнал, бедному „братану“...

Нет, об этом даже думать не хочется – „братан“ все же человек.»

Тем временем выяснилось, что мне повезло, а «братану» еще больше – люк не был заперт и встреча с управдомом отменялась. Как только «братан» загремел крышкой люка, я, не теряя ни секунды, выскочила из укрытия и понеслась к тому краю крыши, под которым были балконы.

Балконы буквально опоясывали соседний дом. Они были разделены уже знакомыми мне перегородками. Я на секунду затормозила, зажмурилась и, совладав со страхом, спрыгнула на первый попавшийся балкон. Не обращая внимания на боль, прижалась к стене и затаилась.

Я боялась лишним звуком обнаружить себя, потому что «братан» очень быстро разгадал мой маневр и вернулся на крышу. Его отчаянный топот и громкий мат уже долетали до моих ушей.

По закону подлости первым делом он бросился к тому балкону, на котором затаилась я. По его шумному сопению, я поняла, что он свесился, пытаясь максимально рассмотреть все, что находилось внизу. Как только я это поняла, то буквально слилась со стеной.

«Ну что пристал, – думала я, прижимаясь щекой к холодному кирпичу, – на противоположной стороне тоже балконы – их там метров сто – и ничем они этих не хуже.»

Слава богу, «братан» не увидел меня, и вскоре его шаги удалились. Времени было в обрез, требовались решительные действия. Я подползла к двери, подергала ручку – закрыто. Постучать я не рискнула, поскольку точно знала: сверху прекрасно слышно, что делается внизу.

Перекинувшись через перила, я заглянула на соседний балкон: там не было никаких признаков жизни. И та дверь явно была закрыта и, судя по количеству пыли, не открывалась давно.

Я метнулась к другому соседнему балкону и едва не завизжала от радости. Балконная дверь оказалась слегка приоткрытой, и в щели вальяжно раскачивалась белая кружевная занавеска.

«Это то, что мне нужно, надеюсь там нет злых собак,» – сказала я себе, бодро перекидывая ногу через ограду.

Выждав секунду и убедившись, что лая никто поднимать не собирается – ни собаки, ни хозяева – я завершила переход и на цыпочках вошла в комнату.

Это была очень дорогая спальная. На кровати под огромным стеганным одеялом шла какая-то напряженная работа с охами, вздохами и сопением. Мгновенно распознав характер этой работы, я слегка растерялась.

«Милое гнездышко. Кажется немного невовремя, но может это и к лучшему,» – быстро успокоившись, подумала я и на цыпочках покинула комнату.

Вышла я в длинный коридор и, изумляясь размерам и роскоши квартиры, все силы бросила на поиски прихожей. Слава богу, я ее нашла, однако, здесь меня поджидало разочарова-

ние: обилие и сложность замков не подразумевали того, что без вмешательства хозяев я открою их в этой жизни.

Пришлось вернуться в спальную. Там по-прежнему шла работа, прикрытая одеялом.

«Придется дожидаться, когда хозяева освободятся. Они так старательно трудятся, что невежливо их прерывать,» – подумала я, скромно присаживаясь на край кровати в твердом намерении надеть наконец ботинок, поскольку мне надоело хромать, и кто его знает предоставится ли там в будущем более подходящий момент.

Надев ботинок и тщательно затянув шнурки, я встала и услышала громкий сладострастный вздох облегчения, исполненный дуэтом из низкого и высокого голосов. Одеяло внезапно откинулось, и на меня воззрились две изумленные физиономии. Обе, кстати, бородатые.

Одна борода отличалась экзотическим огненным цветом, другая была заурядной каштановой. Владельцы этих бород, похоже, пребывали в шоке.

Я тоже обмерла. В общем-то слышала про такое, но предположить никак не могла, что творится все это буквально под самым моим носом – в соседнем доме.

«Так это не гнездышко, а вертеп,» – прозрела я, прислушиваясь к возрастающему желанию немедленно вырваться на свободу.

Однако, как позже выяснилось, настроение у бородатых было таково, что ни о какой свободе не могло быть и речи.

– Кто это? – забасила Каштановая Борода, отвесив Огненной энергичную оплеуху.

– Вася! Вася! Василек! – испуганно запищала Огненная Борода, в ужасе схватившись за ухо. – Это не то, что ты думаешь! У меня с ней ничего не было!

– Не было? – бушевала Каштановая Борода, совершенно не ограничивая себя в оплеухах. – Уж это понятное дело! С чем бы у тебя с ней было? Разве ты способен? – в этом месте последовала самая энергичная оплеуха. – Говори, ублюдок, что это? Провокация? Ты, ублюдок, рискнул подставить меня? Говори! Говори!

Огненная Борода и рада была говорить, но обилие зуботычин абсолютно лишало ее такой возможности. Люди, конечно, погрязли в грехе, но смотреть на жестокость я не могла и решила вступиться.

«Все равно делать нечего, – подумала я, – раз без этих гомиков не выйти из квартиры.»

– Простите, что вмешиваюсь, – любезным тоном обратилась я к Каштановой Бороде, – но этот товарищ не виноват. Зря вы его бьете, он меня действительно не знает и, как и вы, видит впервые.

Установив, что я разговариваю, Бороды с открытыми ртами застыли и ошеломленно переглянулись. Однако, тут же Каштановая Борода принялась за старое. Причем на этот раз оплеухи были гораздо тяжелей.

– Ах ты гнида! – вопила Каштановая Борода, буквально уничтожая кроткую Огненную. – Сдал меня писакам, пидар гребаный! Сдал! Сдал! Кто она? Говори! Из какой газетенки?

– Не имею никакого отношения к газетенке, – заверила я и для своей же пользы добавила: – Терпеть не могу журналистов.

Каштановая Борода замерла с поднятым кулаком и брезгливо уставилась на меня.

– А зачем сюда пришла?

Видимо этот вопрос вдохновил на другие, и Каштановая Борода вновь принялась мутузить Огненную, приговаривая:

– Зачем ты ее впустил? Зачем ты ее впустил?

– Я ее не впускал! – вопила Рыжая борода. – Не впускал! Не впускал!

«Бедняжка, – подумала я, – такие настали времена, что теперь и некоторые мужчины знают, как непросто быть женщиной.»

– Оставьте его в покое! – рассердилась я. – Ведете себя просто как бабы! Нет бы разобраться со мной по-мужски, тихо и беспристрастно.

Владелец каштановой бороды посмотрел на меня хоть еще и с брезгливостью, но уже с задумчивой. Мило было и то, что он перестал истреблять свою рыжую пассивность. Я воспользовалась этим приятным моментом и затараторила как пулемет, стараясь выдать как можно больше слов в секунду:

– Все очень просто: скрывалась от негодая, который хотел сбросить меня с моста, а потом и с крыши. Поскольку крыша оказалась вашей, мне ничего другого не оставалось, как спрыгнуть на ваш балкон. Я всего лишь хотела отсюда выйти, простите, что через вашу спальню, ну так уж получилось. Я подумала, что уж лучше я увижу, как вы все, ну это, любовь там и прочее, уж лучше увижу весь этот кошмар, чем погибну.

– А я думаю, что уж лучше ты погибни, раз увидела все это, – грозно прорычала Каштановая Борода.

Я попятилась, изрядно напуганная таким неожиданным заключением, тем более, что у владельца Каштановой Бороды в руках уже был сотовый. Я переполошилась, Рыжая борода тоже.

– Васенька, Василечек, – запищала Рыжая Борода. – Что ты собираешься делать, мой хороший?

– Вызову своих орлов, – пробасил Василечек, – пускай скрутят эту позорную телку и сбросят ее с моста. Где тут у вас поблизости мост?

Рыжая Борода задумалась.

– Васенька, душа моя, у нас нет поблизости моста.

– У нас нет поблизости моста, – охотно подтвердила и я.

Каштановая Борода, набиравшая уже чей-то номер, оставила сотовый в покое и грозно воззрилась на меня:

– Ну? Что ты нам тут плела? С какого моста тебя собирались скинуть? Здесь же нет моста!

– Вы не поняли, – принялась оправдывать я. – Мост не здесь. Это в другом месте, меня вообще хотели утопить в Клязьме...

Каштановая Борода воззрилась на Рыжую:

– Ты точно ее не знаешь?

– Васенька, солнце мое, ну когда я тебя обманывала? – с нежностью пропищала Рыжая Борода. – Эту телку позорную вижу впервые.

И, только представьте, этот развратный гомик, этот отброс общества окинул меня, красавицу и умницу, презрительным взглядом и брезгливо молвил:

– Фу, какая дрянь! Не удивительно, что ее хотели утопить в Клязьме. Жаль, что не утопили.

«Я – дрянь? – изумилась я, с трудом веря своим ушам. – Впрочем, какого вкуса я ожидала от гомиков?»

Тем временем Каштановая Борода призадумалась и спросила:

– Да? Так вы незнакомы?

– Клянусь! – с чувством заверила Рыжая.

– Голову нам морочит, – возмутилась Каштановая Борода, обращаясь к Огненной уже беззлобно. – Где мы, а где Клязьма? Точно писака говенная. Сиганула к нам с балкона и, пока мы трахались, уже сварганила на меня компромат. Выворачивай, стерва, карманы! – гаркнул он мне. – Все выворачивай!

«Боже, куда я попала! Здесь ни чем не лучше, чем на том мосту!» – испугалась я, запуская руки в карманы куртки и запуганно озираясь по сторонам.

На спинке стула висел дорогой пиджак, но у меня уже не было веры и к дорогим пиджакам и даже к галстукам. Эти преступники так расплодились, так расплозились по свету, они же буквально везде, даже в дорогих пиджаках.

Я вытащила из кармана ключи и потрясла ими в воздухе.

– Больше у меня нет ничего, – искренне заверила я. – Это от моего автомобиля.

– А в другом кармане? – сверля меня подлыми глазками, спросила Каштановая Борода.

– Там пусто, – заверила я, вывернула второй карман и снова потрясла ключами. – Без острой необходимости никогда не лгу, – с гордостью заключила я, с обидой глядя в потолок, потому что на все остальное смотреть было просто противно.

Каштановая Борода задумалась и, вероятней всего, поверила бы мне, когда бы не досадная случайность. Зря я так бойко ключами трясла. Совсем забыла, что на них брелок-часы, подаренный мне моим мужем. Женькина страсть к занимательным побрякушкам едва не сгубила меня. Когда я держала ключи над головой и трясла ими, произошла вспышка.

– Видел? Нет, ты видел?! – завопила Каштановая Борода, победно глядя на Огненную.

– Что это? Что? – пропищала та.

– Эта сучка сфотографировала нас! Прямо сейчас! Только что! Говорил же, она из газеты!

Я уже открыла было рот, чтобы рассказать, что я не из газеты, что эта вспышка вовсе не фотовспышка, что так вспыхивает брелок, когда проходит следующий час моей бездарнейшей жизни, что стукнуло десять, о чем и сообщил брелок, что это прикол тех безмозглых конструкторов, которые его создали, не подумав обо мне...

Я многое хотела сказать, но не успела; Каштановая Борода откинула одеяло и встала на кровати прямо во весь свой рост, после чего мне какой-то жалкий «братан» показался просто пигмеем. Я уже жаждала встречи с ним. Господи, и что это в самом деле так заупрямилась? Не так уж и страшно падать с этой крыши. И лететь совсем недолго, и наверняка ничего не почувствую. Раз и все. «Вот она была и нету!». Ведь наверняка же мгновенно умерла бы, так нет же, надо было мне удирать, и вот результат. Сейчас вызовет своих орлов и те долго будут пытаться: кто я и зачем на свет родилась – будто я это знаю.

– Умоляю! – падая на колени, закричала я. – Давайте сразу разберемся! Жаль не захватила с собой документы, но меня знает народ!

Этим глупым заявлением я выиграла несколько секунд. Каштановая Борода опешила и спросила:

– Почему это тебя знает народ?

– Потому что я писательница. Женская. Сентиментальная. Софья Адамовна Мархалева к вашим услугам.

Бог ты мой, зачем я это сказала? Уж не такая я там и писательница, чтобы хвастать.

«Еще и приличного не написала ничего, а уже вот-вот пострадаю!» – подумала я, с ужасом глядя на все, что было под каштановой бородой и ниже.

А тут еще и Огненная как запищит:

– Васенька, точно, это она! А я думаю, что-то морда знакомая. А теперь узнала я, это писательница и есть, я на обложке фотографию видела.

«Говорила же редактору: не надо никаких фотографий, – разозлилась я. – Это опасно. Вот, пожалуйста, будто в воду глядела.»

– Писательница?! – зверея завопил обладатель каштановой бороды, делая решительный шаг в мою сторону и требуя: – Отдай, сука, пленку!

Думаю, не стоит описывать что испытывала я в эту секунду, и неизвестно что было бы со мной, когда бы не зазвонил кто-то в дверь. Возможно это даже и «братан» пришел меня выручать. Во всяком случае я не стала гадать, а, воспользовавшись замешательством гомиков, с максимальной скоростью вылетела на балкон, абсолютно бессознательно перелезла через перегородку, потом через вторую, потом через третью...

«Чем дальше от того злополучного балкона буду, тем больше мне это на пользу пойдет», – решила я, сильно уповая на то, что голыми гомики за мной не побегут, а на одежду уйдет какое-то время. Уж я постараюсь увеличить разрыв.

Не знаю, сколько балконов миновала я, уже напрочь забыв про «братана» и про то, что от него надо скрываться. Я бежала уже только от гомиков, точнее от Каштановой Бороды, потому что Огненная вряд ли была опасна, слишком уж она впечатлительна.

Я бежала, но долго так продолжаться не могло. «Количество балконов ограничено, что будет, когда я добежу до последнего? – горестно думала я. – Но с другой стороны весна еще ранняя и не располагает народ к тому, чтобы оставлять открытыми двери. Не все же такие жаркие, как эти гомики.»

В общем, я решилась на криминал. Когда желание выбраться на волю достигло кульминации, я остановилась на одном из балконов и яростно забарабанила по стеклу. Мне не ответили, не выглянули в окно, из чего я сделала вывод, что в этой квартире никого нет.

В отчаянии я несколько раз саданула ногой по стеклу и пролезла в балконную дверь.

Эта квартира была значительно скромней предыдущей, чем сразу расположила меня к своим хозяевам.

«Вот как живут честные люди, а не гомики там какие-то,» – с умилением подумала я, попадая из комнаты с двумя потертыми инвалидами-диванами и одним сносным шкафом в пустой коридор, который и привел меня прямо в прихожую.

Все там мне было мило: и старое зеркало над покосившейся тумбочкой, и доисторическая вешалка над ковриком для обуви...

Но больше всего мне понравились замки. Точнее замок, потому что честным людям (как привило) хватает и одного. Замок был абсолютно простой, без всех этих невообразимых наворотов, которые привели меня в ужас у гомиков. Я уже собралась его открыть, как вдруг остолбенела от умной мысли.

«Вот выскочу я сейчас на лестничную площадку, а там „братан“ или (что еще хуже) гомики, – паникуя, подумала я. – Допустим, мне повезет и на лестничной площадке гомиков не окажется, но кто сказал, что встреча с ними не подстерегает меня у подъезда? Там же я могу встретить и „братана“, который, думаю, уже давно спустился с крыши. Он же не Карлсон, чтобы вечно там сидеть. Даже и Карлсон не сидел вечно на крыше. Короче, нет никакой надежды, что успею до своего „Мерседеса“ добежать, если, конечно, его еще не разобрал на части тот чертов „братан“, с которого начались мои напасти. Говорила же Тamarке, что не стоило такую дорогую машину покупать. И вообще никакой покупать не стоило, я неплохо пользовалась и чужими.»

Возникла острая необходимость позвонить Тamarке, но как это сделать, если с приобретением «Мерседеса» приобрела я и глупую привычку оставлять свой сотовый на переднем сидении.

«Удивляюсь, – поразила я, – как из-за этого моби́льника дворовые мальчишки еще не угнали мое авто. Кстати, не уверена, что я его вообще закрыла. Как это на меня похоже!»

Страшно ругая себя, отправилась на поиски телефона, и я его нашла. Телефон стоял на полу в маленькой комнате, годящейся разве что на роль кладовки, но зачем кладовке окно – убей не пойму.

Пришлось решение этой загадки отложить до более спокойных времен. Я набрала номер Тamarкиного сотового и к удивлению и радости узнала, что он не занят – случай уникальный.

– Мама, ты невозможная! – закричала Тamarка, как только сообразила, что это я. – Нашла время когда звонить. У меня планерка.

Моя Тamarка директор крупной компании, деньги лопатой гребет, развращает чиновников: взятки, думаю, им налево и направо раздает, ворует у государства, – не уверена, но предполагаю – а эти свои утренние сборища, где обсуждается как, что и у кого получше слямзить, она старорежимно называет планеркой. Такой консерватизм умиляет меня, порой, до слез.

Умиляться, конечно, приятно, но не тогда же, когда сидишь в чужой квартире, опасаясь быть схваченной сразу тремя негодяями. Поэтому умиляться я воздержалась и закричала, стараясь быть убедительной:

– Тома, бросай к черту свою планерку и пчелкой лети сюда!

– Куда – сюда? – вскипая, спросила Тамарка.

Я знаю, почему она так на меня вскипает: ей недостает духу бросить трубку, поскольку держат узы десятилетий дружбы, а ведь я ей совсем бесполезна. Более того, зачастую просто вредна. Порой я горжусь, что без меня не может жить аж целая Тамарка. А без нее не может жить страна. Во всяком случае сама Тамарка свято в это верит.

– Тома, я в беде! – тщательно изображая истерику и рыдания, закричала я.

Что поделаешь, если мое хладнокровие порой подводит меня?

– В какой беде? – насторожилась Тамарка.

– Еще не в курсе, но в большой.

– Так и голову мне не морочь. Позвонишь, когда в курс войдешь.

Зная ее решительность и малую вероятность дозвониться вновь, я хладнокровие свое потеряла и закричала уже вполне натурально:

– Тома, за мной гонится «братан», а теперь уже и гомики, даже два гомика, а я отсюда выйти не могу без твоей помощи.

– Откуда – отсюда?

– Из чужой квартиры соседнего дома.

– Короче: чего ты хочешь? – сразу перешла к делу Тамарка.

– Я же сказала: хочу чтобы ты приехала со своими верзилами-телохранителями и забрала меня из чужой квартиры.

Тамарка на секунду задумалась и согласилась:

– Ладно, я за тобой пришлю своих ребят, и не вздумай мне сейчас рассказывать, что с тобой произошло: это часа на три, а у меня в кабинете толпа.

– Тома, ты просто от верной гибели меня спасаешь! – с чувством воскликнула я.

Видимо Тамарка и в самом деле была занята, потому что даже дифирамбы слушать не стала, а торопливо рявкнула:

– Номер квартиры!

Я возмутилась:

– В своем ли ты уме? Откуда я знаю номер этой квартиры, если я выйти из нее не могу?

– Но как-то же ты в нее вошла, – резонно заметила Тамарка.

– Через балкон. Разбила стекло в балконной двери и вошла, – пояснила я и тут же решила оправдаться за свое недостойное поведение: – Вынуждена была так поступить, за мной гнались гомики.

– Мама, ты невозможная! – взвилась Тамарка. – Какого черта ты удирала от гомиков? Тебе и мужчины уже неопасны!

Я не смогла смолчать:

– Напекаешь на возраст? Так ты старше меня на целых пять месяцев.

– Напекаю на внешность, – отрезала Тамарка. – И отвяжись, Мама, умоляю.

– Как это – отвяжись? Я на краю гибели!

– Мама, ты невозможная! Сколько тебя знаю, ты постоянно на этом краю, так что мне и не жить теперь? Как установишь номер квартиры, так и звони. И пока. И желаю удачно порезвиться с гомиками, а у меня планерка, уж извини, не у всех же все так серьезно. Некоторым и пустяками заниматься приходится. Ну все, отключаюсь.

И, представьте, она отключилась. И это лучшая подруга. У кого такие были, знают как ненадежны они порой. Порой им нельзя доверять сущую мелочь.

Вне себя от ярости, я собралась уже было вновь позвонить Тамарке, – надо же выдать ей оценку – но вдруг услышала голоса. Они доносились из глубины квартиры. Я прислушалась; голоса становились все громче и громче, похоже там шел спор.

«Вот до чего умеет заморочить голову эта Тамарка, – возмутилась я. – Вернулись хозяева квартиры, а я даже не услышала.»

Судя по всему хозяев было двое: мужчина и женщина. Женщина говорила визгливо, мужчина басил. Когда спор достиг накала, я смогла насладиться его содержанием.

– На кой х... мне это нужно? – с жаром вопрошал мужчина. – Один вред вижу себе!

– Коля, ну как ты не поймешь? Тебе-то как раз это и нужно, – с меньшим жаром убеждала его женщина, думаю – жена.

«Жены всегда знают что нужно их мужьям, за что еще и расплачиваются, бедняжки. Нет у мужчин благодарности.»

– Дура ты, – заявил Коля.

«Ну, что я говорила? Так произошло и сейчас. Она знает, что ему нужно, потому еще и дура.»

– Коля, не горячись, – мягко попросила она.

«Какая умница, милая и кроткая женщина. Наконец-то попала я к приличным людям. Таких запросто можно о помощи попросить, а стекло я им возьмешу.»

Едва я пришла к такому выводу, как услышала:

– Коля, одумайся, ты должен его пришить. Не отдавать же назад «бабки». Коля! Крутые «бабки»! – в отчаянии взвизгнула женщина и тут же деловито напомнила: – И вообще, половина из них – моя.

– Че это – твоя? – не одобрил заявления Коля.

– А то! Я научила тебя жить, я пристроила в это дело! Где бы ты со своими мускулами был, если б американец не взял тебя на работу? Вот и выполняй теперь его приказания! Раз мешает ему этот придурок, значит придурка надо пришить. Как хочешь, но приказ американца выполни.

– Да как же – выполни! – взорвался Коля. – Пахан-то совсем другое приказал: чтобы с головы его не упал ни один волос. Прямо так мне пахан и сказал. Как же могу я пахана послушаться? Он же американца главней! И вообще, я служу пахану, а не американцу твоему.

Что тут случилось с бедной женщиной. Передать не могу каким визгом воздействовала она на своего Колю. Просто диву даешься, порой, на что способны наши русские женщины. Паровозный гудок – жалкий шелест против их «нежного» голоса.

– Что я слышу? – закричала она. – Уже крутым себя почувствовал? Кому обязан забыл? Да американец только пальцем шевельнет, и мокрого места от тебя не останется. Не поможет никакой пахан, да и нужен ты ему – помогать тебе. Других дел у него нет! Короче, Коля, не дергайся. Пришьешь придурка и баста, а американец перед паханом отмажет тебя. Он мне лично обещал. Что б сегодня же и пришил! Не самой же мне это делать!

Судя по дальнейшему, Коля был сломлен.

– Ладно, покумекаю, – с задумчивым вздохом ответил он, – может и в самом деле пришью. С какого х... а я должен с ним цацкаться? Пахан тоже странные приказания выдает. Может ты и права...

– Вот и умница, – обрадовалась женщина, – иди за «Вяткой», зайчик мой. Дотащишь один?

– Я быка один дотащу, – заверил Коля, после чего колени мои подогнулись.

«Что творится в стране? – подумала я. – В какую ни загляни квартиру: то гомики, то бандиты и убийцы. Надо срочно сматываться отсюда, пока Коля с „Вяткой“ не вернулся. Кстати, что там за заморочка с американцем? Не мой ли это шпион из Клязьмы? Впрочем, сейчас, когда впереди опасность встречи с Колей, до этого ли мне?»

Прикидывая размеры стиральной машины «Вятка» и учитывая Колины заявления насчет быка, я ничего хорошего от этой встречи не ждала, а потому выскочила из комнатки и бодро

помчалась к выходу, но внезапно наткнулась на пухлую миловидную особу, глядя на которую так и хочется сказать: мухи не обидит.

Мухи, может и да, зато человека запросто порешит, особенно за «крутые бабки», – такая мысль придала мне решимости, с которой я и собралась покинуть их «малину», их чертов притон, но не тут-то было. Миловидная особа с неменьшей решимостью преградила мне путь и закричала:

– Стой, воровка! Все равно не уйдешь!

– От тебя что ли? – выразила недоумение я.

– Мой муж на грузовом лифте поднимает стиральную машину, от него и не уйдешь! – заверила миловидная особа.

«Спасибо за информацию,» – подумала я, засовывая кулак в карман куртки и грозно рыча:

– Руки вверх!

Миловидная особа отреагировала мгновенно и подняла вверх не только руки, но и ноги, в силу своей комплекции раскачиваясь на полу как Ванька-встанька. Она повалилась на пол с резвостью, достойной всяческого восхищения.

Однако, перепрыгнув через нее, я улепетывала по лестнице, восхищаясь только собой, точнее своими потрясающими способностями наживать себе врагов. Теперь за мной гонялись уже четверо. А по крику: «Коля, Коля, держи ее, она все слышала!», я поняла, что и пятеро. Видимо, миловидная особа не обманула, и муж ее действительно привез на грузовом лифте стиральную машину «Вятка». Приятно, что они патриоты и поддерживают отечественного производителя. Хотя что-то в них прекрасно.

Окрыленная этой мыслью, я, не считая ступеней, вылетела из подъезда. Посмотрела направо: «братан», посмотрела налево: гомики. Попятилась в чрево подъезда и осознала, что там ничем не лучше: судя по крикам, миловидная особа и Коля жаждали срочно вернуть меня в свой притон.

«Нетрудно предположить, что там со мной сделают, – подумала я и решила мчаться прямо к дороге. – Лучше умереть под колесами какого-нибудь приличного автомобиля, чем в лапах этих гнусных „братанов“, гомиков и миловидных особ с их живопырными Колями.»

Так я и поступила: выскочила из подъезда и, не сбавляя скорости, бросилась на проспект – прямо на его проезжую часть.

И «братан» и гомики, заметив меня, активизировались, но было поздно – мне повезло: я уже решительно метила под колеса сумасшедше красивого «Кадиллака». «Кадиллак» не имел в своих планах меня давить, а потому резко затормозил. Я не стала мешкать, распахнула переднюю дверь, плюхнулась на сиденье, из последних сил крикнув:

– Гони, дорогой, я заплачу! – и лишь после этого перевела дыхание.

И он погнал. Он так резко стартовал, что я руками вцепилась в кресло, а глазами в дорогу. От дороги глаз оторвать я не могла, потому что с рождения была любопытна – очень хотелось знать в кого мы первого врежемся: в «Жигуля» или в «Форда».

Претендентов было гораздо больше, но эти автомобили удирали от нас панически, чем и приковали мое внимание. В конце концов водитель «Жигуля» сообразил, что нас лучше пропустить, после чего сумасшедший «Кадиллак» рванул с фантастической скоростью.

Он выехал на широкую светлую и гнал, говоря по-русски, со всей дури. Мне стало интересно, кто же этот отчаянный водитель, я повернула голову влево и обмерла: за рулем был он, мой речной спаситель.

Он даже не удостоил меня своим взглядом, зато я имела возможность неограниченно любоваться его медальным профилем. И не только профилем: меня в нем интересовало все. Слава богу, свою ужасную пижаму он сменил на элегантный костюм, лысую голову прикрыл весьма изысканной шляпой и вообще, в нем было столько лоска...

Ах! Ах-ах-ах!

Так импозантен был мой спаситель, что даже не с кем его сравнить – все звезды Голливуда просто тускнеют, разве что покопаться в наших: там можно набрать несколько десятков достойных экземпляров, но ведь спас-то меня именно он, следовательно нет ему равных.

«Однако, пора бы ему уже обратить на меня внимание,» – с обидой подумала я и издала томный протяжный вздох, действующий на мужчин безотказно.

Мой спаситель и ухом не повел. Напряженно уставился в лобовое стекло, изредка бросая взгляды в зеркало заднего вида.

Я сказала:

– Э-эй!

Он, не отрывая глаз от дороги, бросил:

– Весь к вашим услугам.

– Что – к вашим услугам? Посмотрите хотя бы на меня, это будет самая большая услуга.

– Если позволите, позже, – невозмутимо ответил этот наглец.

«Нет, он не так красив, как мне кажется, – тут же подумала я. – Пожалуй, найдется несколько звезд в Голливуде, которые составят ему конкуренцию без труда.»

Как только мелькнула эта мысль, он резко сбавил скорость, любезно взглянул на меня и сказал:

– Похоже, погони нет и не будет.

«Да что это со мной? Он же дико красив!» – снова подумала я и воскликнула:

– Ах, неужели это вы? Я вас не узнала и очень рада, что судьба нас случайно свела. Опять свела.

– Я тоже рад, – сдержанно ответил он, тщательно эту радость скрывая. – Не ожидал, что вы появитесь из того дома. Собирался на вашу улицу сворачивать, а тут такой сюрприз.

– Так это не было случайностью, – нехотя разочаровалась я. – Вы ехали ко мне?

– Да, ехал к вам, – подтвердил он и спокойно пояснил: – Вам угрожает опасность.

«Интересно, как он догадался,» – зловердно подумала я и спросила:

– А как же вы узнали где я живу?

Вместо ответа он протянул мне карту Москвы со всеми домами и остановками. Мой дом был обведен красным кружком.

«Поразительная бестолковость, – мгновенно осудила его я. – Он что, считает это ответом на вопрос? Он даже имени моего не знает, а уже обвел кружком мой дом и наверняка выяснил номер моей квартиры! Точно шпион. Как пить дать агент ЦРУ, но как он глуп, если не сумел скрыть этого.»

– А как вы узнали, что я в этом доме живу? – тоном, далеким от любезного, спросила я.

Обычно к такому тону в качестве заключения добавляют еще и слово «придурок», что я, естественно, делать не стала, поскольку мой визави все же иностранец и вряд ли изучил все наши слова.

– Случайно, – коротко ответил он, будто я должна помнить о чем его только что спрашивала.

– Что – случайно? – рассердилась я.

Какое счастье – на лице его промелькнуло слабое удивление. Наконец-таки удалось мне хоть немного вывести из равновесия этот чертов кремень.

– Случайно узнал ваш адрес, – омрачая мою радость, равнодушно ответил он. – Вам угрожает опасность.

– Спасибо, я это уже поняла, а чего вы от меня хотите?

Не признаваться же ему сразу в любви. Решила разыграть неприступность и помучать его, пускай видит, что русские женщины не привыкли бросаться на шею мужчин.

– Я не хочу от вас ничего, – невозмутимо ответил этот американский балбес. – Но должен о вас позаботиться, раз уж так получилось, что из-за меня вы попали в неприятную историю.

– Ха! Неприятную – мягко сказано, – демонстрируя мужество, рассмеялась я. – Но раз уж так, то в качестве заботы охотно приму подробный рассказ о том, как дошли вы до жизни такой, что среди ночи бросают вас в Клязьму с моста прямо в пижаме. И в другой раз, прежде чем в воду сигать, внимательно посмотрите по сторонам: нет ли где лишних свидетелей, о которых придется заботиться потом – тратить бездарно свое драгоценное время.

Я сказала это просто так, в качестве шутки, чтобы блеснуть остроумием, этот же балбес воспринял мои слова очень серьезно и обстоятельно ответил:

– Да, я сделал для себя выводы и впредь буду осторожней.

Я так и замерла с открытым ртом. Столь сильно удивить меня не умел даже второй муж – врун, болтун и сексуально ненасытный обжора.

– Сделали выводы? – покрываясь ужасом, воскликнула я. – Вы хотите сказать, что не исключаете подобной ситуации в ближайшем будущем?

– Не исключаю, – подтвердил он.

Я схватилась за сердце:

– О, боже! Так расскажите мне хотя бы, как такое с вами случается?

– Что именно? – спокойно поинтересовался этот, уже могу сказать, странный человек.

– Хи-хи, «что именно»? – нервно хихикнула я. – Ну, расскажите хотя бы за что вас сбросили в Клязьму среди ночи? Что, не могли дожждаться утра?

Он пожал плечами и спокойно ответил:

– Понятия не имею.

– А кто эти люди, ну, «братаны» эти, кто они и чем недовольны?

– Понятия не имею.

– А чего от вас хотят?

– Понятия не имею, – с прежним спокойствием ответил мой красавчик, и мне стало дурно.

Спинным мозгом я чуяла: он не врет, а потому воскликнула: «Оля-ля!» – люблю иногда блеснуть французским.

«Оля-ля, – подумала я, – несчастный – понятия не имеет, я понятия не имею. Оказывается все гораздо хуже, чем казалось на первый взгляд.»

– Хорошо, – сказала я, хотя, сами понимаете, там не было ничего хорошего. – Вы ни о чем не имеете понятия, но как это с вами случилось вы хоть помните?

– Конечно помню, – подтвердил он, чему я обрадовалась и закричала:

– Так рассказывайте, черт побери! Иначе нам с вами крышка!

Он с удивлением взглянул на меня. Надо же, таким примитивным приемом я добилась столь потрясающего эффекта: он удивился второй раз. Правда удивился слегка и не стал допытываться что такое «нам крышка», а сразу приступил к своему рассказу. Он так и сказал:

– Послушайте мой рассказ.

– Охотно, – воскликнула я.

И он начал:

– Был солнечный весенний день, холодный, но ясный. Самолет приземлился на удивление мягко, я подумал, что это добрый знак, с хорошим ощущением ступил на вашу землю и, не выходя из аэропорта, был схвачен какими-то незнакомыми людьми.

Сказав это, он с чувством исполненного долга воззрился на дорогу, по которой «Кадиллак» катился уверенно и неспешно. Я тоже воззрилась туда же, в надежде, что если не увижу на дороге объяснения его паузы, то вот-вот услышу продолжение, но он молчал.

– И что? – раздражаясь, вынуждена была спросить я. – Вас схватили и сразу потащили на мост? В солнечный весенний день, ясный, хоть и холодный, вы ступили с хорошим ощущением на нашу землю в пижаме? В той дурацкой пижаме?

Он внимательно посмотрел на меня, как бы не понимая моих эмоций. Посмотрел и сказал:

– Нет, я был в костюме. Меня схватили и отвезли в тот город, в котором мы с вами встретились. Тогда я еще был в костюме. Кстати, жить в вашей стране небезопасно...

Сделав это глубокое философское заключение, он полез во внутренний карман пиджака, достал визитку и протянул ее мне.

– Что это? – спросила я, хватая визитку и впиваясь в нее глазами. – Здесь же по-английски.

– Сейчас вам переведу, – любезно ответил он.

– Не надо, я сама что хотите вам переведу. Думаю, не хуже вас знаю английский. Теодор Доферти.

Он вежливо улыбнулся и кивнул. Мне стало обидно.

– Вы можете быть разговорчивей? – прикрикнула я. – Доферти – это вы?

Да я, порой, бываю невозможна, порой сама с трудом себя выношу. Однако мой собеседник по-прежнему был невозмутим.

– Пожалуйста, – ответил он, – постараюсь быть разговорчивей. Тэд Доферти мой школьный друг. Раз так вышло, что вы случайно стали свидетелем преступления, и вам грозит опасность...

«Жаль, но он все-таки не шпион, – огорчилась я. – Слишком вежлив и добр. И глуп. Вот если бы мне удалось шпиона разоблачить! Вот это высший пилотаж, этого я еще не делала. Жаль, но красавчик не шпион. Мозгов у него явно маловато.»

– Кстати, куда вы везете меня? – всполошилась я.

– В милицию. Я уже был там и написал заявление. Вы тоже написать должны, это вас спасет.

Поразительная наивность. Не удивлюсь, если милиция передаст меня этим «братанам» из рук в руки. Бандюганы так нагло действуют, что другой мысли в голову не приходит.

– А если милиция только и ждет, когда вы привезете меня? – спросила я.

Он поднял брови:

– Такое возможно?

Мне стало стыдно за свою страну.

– Вообще-то такое возможно и в Америке, если верить вашим фильмам, – туманно ответила я. – Нет, есть в нашей милиции честные люди, и даже, думаю, обязательно есть, и побольше, чем у вас там, где не пахнет никакой демократией, как вы это безобразие ни назовите. С другой стороны, нет никакой уверенности, что на честных людей я попаду именно в милиции. Всякое может случиться, поэтому лучше не надо туда. Лучше давайте решать вопросы без милиции, своими силами.

– А милиция для чего?

– Ну-у, милиция у нас для больших и великих дел, простые граждане стараются не напрягать ее по пустякам. Понимаете, это не принято в нашей стране.

– Но вас хотят убить, разве это пустяк? – спросил наивный американец.

– Конечно пустяк, – тут же просветила его я. – Думаете это кто-то заметит? В нашей стране пустяк все, что незаметно. И что заметно, порой, пустяк.

– Ваша смерть пустяк? Неужели этого никто не заметит?

– Нет, мои друзья заметят, конечно, что меня не стало, особенно те, которым я должна. Баба Рая заметит, – за прошлый месяц ей еще не заплатила, мой сын заметит – обещала ему клюшку купить... Буранов заметит, я достаточно обнадежила его. Муж... Он уже, пожалуй, не

заметит, так что все. Больше, пожалуй, никто не встревожится. Во всяком случае, не милиция. Народу у нас много, а милиции мало. Причем, мало ей всегда.

Он нахмурился и сказал:

– Здесь еще опасней, чем я думал. Мой друг Тэд...

– Теодор Доферти? – на всякий случай уточнила я.

– Да, он. Тэд, к моему счастью, оказался здесь, в России. Если вам будет грозить «пустяк», он спрячет вас на американской территории.

– То есть в американском посольстве? Что ж, надеюсь хоть там безопасно.

– Пока – да. Вы только позвоните ему, где бы вы ни были, и он сразу за вами придет.

«Нет, все же этот американец – шпион, – вновь решила я, – вот, он уже в посольство тащит меня, чтобы продолжить вербовку. Как интересно! А вдруг меня назначат резидентом? Боже, какая удача! Мигом все ЦРУ разоблачу, уж за мной дело не станет – только запустите мою энергию туда.»

Из приятной задумчивости меня вывел его озабоченный голос.

– Кроме вас мне не к кому обратиться. Не согласились бы вы мне помочь? – немного смущаясь, спросил американец.

Я насторожилась:

– Помочь? Надо же, думала, вы бескорыстно переживали за меня. Оказывается, нужна моя помощь. Ха! Вот в чем дело! Что же вы не попросите своего школьного друга, этого Доферти?

– К служащему американского посольства не всегда удобно обратиться и не с любой просьбой.

Ну как тут не вспылить? Я вспыхнула.

– А ко мне, значит, можно обращаться в любое время и с любой просьбой? – закричала я. – Вот оно, ваше американское высокомерие! Ваше зазнайство! Культурно даю вам понять: я ничем вашего Доферти не хуже! Даже лучше!

Американец, похоже, расстроился.

– Как жаль, – воскликнул он. – Никак не хотел вас обидеть. Простите, и забудем о моем просьбе.

– Как это – забудем? – еще больше возмутилась я. – Хотите, чтобы я от любопытства умерла? Это уже на издевательство похоже! Нет уж, раз начали, так договаривайте, если не хотите сделать заиками своих детей.

– У меня нет детей.

– Тем более! Говорите, что я сделать должна?

Американец вздохнул с облегчением и сказал:

– Всего лишь прогуляться по одному адресу и узнать живет ли там тот, кто мне нужен.

«Точно шпион!» – подумала я и воскликнула:

– По какому адресу?

– Если вы согласны, сейчас же вас отвезу.

Я заговорщицки понизила голос:

– И что должна буду делать?

– Всего лишь подняться на третий этаж и позвонить в девятую квартиру.

На первый взгляд это не выглядело сложным, но только на первый взгляд.

– А почему бы вам самому не сделать этого? – с легко объяснимым подозрением спросила я.

Американец посмотрел на меня своим чистым невинным взором и признался:

– Боюсь, меня могут схватить или убить.

Потрясающая наивность.

– А того, что могут схватить или убить меня, вы, следовательно, не боитесь, – ядовито констатировала я.

– Не боюсь, – подтвердил он.

Это было так откровенно, что я даже растерялась и спросила:

– Так вы негодай?

– Ни в коем случае, – категорически запротестовал американец. – Просто уверен, что вам ничего не грозит. В той квартире живет очень хороший человек, он и мухи не обидит.

Я мгновенно вспомнила миловидную особу, о которой ошибочно была того же мнения. Вспомнила и возмущенно спросила:

– Чего же вы тогда боитесь, если тот человек так добр?

Американец задумался, видимо, размышляя посвящать меня в свои тайны или нет. Наконец он решился и сообщил:

– Понимаете, человек этот должен был встретить меня в аэропорту, но почему-то не встретил, а...

– Вместо него встретили другие, – перебив его, продолжила я. – И у вас начались неприятности, свидетелем которых мне довелось быть. На какую еще пакость вы толкаете меня?

– Ни на какую, – рассердился американец. – Вы идете к очень хорошему и верному человеку, к моему другу. Если дверь откроет он, просто расскажете в какие неприятности я попал.

– А почему бы вам по телефону не рассказать этому хорошему человеку о своих неприятностях?

– В том-то и дело, что не отвечает его телефон. Возможно, он сменил номер. К тому же, телефонный разговор в наше время легко прослушать. Нет, лучше будет если вы встретитесь с ним и расскажете все, что знаете. Если с ним не случилось беды, он обязательно будет дома и сам решит, что дальше делать. Он хорошо знает эту страну и быстро сообразит чего хотят от меня те странные люди – братаны.

– Он-то, может, и сообразит, но как я узнаю кто открыл мне дверь: он или не он? Согласитесь, вопрос разумный.

– Разумный, – согласился американец. – Вы покажете ему знак от меня. Если он знак узнает, значит смело входите и рассказывайте, что случилось со мной, если же не узнает, сделайте вид, что ошиблись квартирой и спокойно уходите. Вот и все. Для вас это абсолютно неопасно. Вы никак не связаны с моим другом, следовательно, вас никто не знает.

Я призадумалась: «Шпион он или не шпион, но почему бы не помочь? Просьба вполне невинна. Он же меня спас, следовательно перед ним в долгу, а долг платежом красен.»

– Хорошо, – сказала я, – давайте ваш знак.

Американец обрадовался:

– Значит вы пойдете?

– Конечно, со всем, присущим мне благородством, привыкла людям помогать, даже рискуя собой. Так что за знак?

Американец приложил ладонь ко лбу, опустил ее на грудь, снова вернул ко лбу и просветленно взглянул на меня:

– Поняли? Вы должны повторить этот жест.

«Что за глупость? – мысленно изумилась я. – Ничего умней не придумал?»

– Хорошо, повторяю. Везите меня к своему другу.

И он повез. Сам остался в автомобиле, я же поднялась на третий этаж, с трепетом позвонила в девятую квартиру и... ничего не произошло. Минут пять я топталась там, репетируя знак, но дверь мне никто не открыл. Удрученная, я вернулась к американцу и тут же приступила к допросу.

– Кто там живет? – спросила я.

– Сказал же вам, – рассердился американец. – Там живет мой друг. Он вызвал меня в вашу страну и должен был встретить меня в аэропорту, но почему-то не встретил.

– Не хочу вас огорчать, – сказала я, – но, похоже, он вас уже никогда не встретит. Вляпался ваш дружок в беду, что в нашей стране совсем несложно.

Передать не могу, как испугался мой американец.

– Вы видели его? – закричал он.

– В том-то и дело, что дверь мне никто не открыл, следовательно в квартире вашего друга нет.

Американец вздохнул с облегчением:

– Вы напугали меня. Странные вы делаете заключения.

– Сами же говорили, что он обязательно там должен быть в это время.

– Возможно он вышел по своим делам.

– Только не рассчитывайте, что я буду его ждать, – предупредила я. – Своих дел по горло.

– Хорошо, тогда отвезу вас в милицию.

Я пришла в ужас:

– В какую милицию?

С невинным видом американец пояснил:

– Я же говорил вам, надо заявление написать. Я уже написал.

– Этим и ограничимся, – заключила я. – Мне в милицию ехать – даром время терять.

– Хорошо, – согласился он, – теперь, когда выяснилось, что вы не хотите в милицию, скажите, пожалуйста, куда вас отвезти?

Я замялась, что за глупый вопрос, уж сам бы должен напрячь свои мозги – не приглашать же мне, одинокой женщине, его к себе на чашечку кофе: у меня баба Рая, Санька, гомики, Коля с миловидной особой и «братан». В общем, обстоятельства к приему гостей не располагают.

Я с задумчивостью ответила:

– Ну-уу, думаю вы пригласите меня в ресторан. Время близится к обеду, а я еще и не завтракала. Кстати, следуя вашим рекомендациям, горячего молока я все же попила.

– Очень хорошо, – одобрил он, не внося никакой ясности насчет ресторана.

Я подумала, что человек все же нерусский и не обязан понимать меня с первого же слова, а потому дала своей мысли логичное продолжение.

– К тому же нам надо друг другу так много сказать, – скромно потупившись, молвила я.

И тут же увидела, что мне удалось, хоть я и не ожидала: он в третий раз удивился, но ни слова не произнес, удивление свое обозначив лишь легким поднятием бровей. Чертов америкашка! Совсем дикий! Как разбаловало заморское бабье своего мужика!

– Имела ввиду совсем не то, что вы подумали, – спешно пояснить я. – Просто вы не закончили свой рассказ о том, как вас с моста сбросили.

– Я не подумал ничего, – невозмутимо сообщил он. – И не понимаю, почему вам так надо знать при каких обстоятельствах меня сбросили с моста?

Я восприняла его вопрос как личное оскорбление и закричала:

– Не хамите мне! Хоть вы и иностранец, я этого не потерплю!

– В чем же хамство? – без всякого удивления поинтересовался он.

– В том, что вы вежливо дали мне понять, будто я сую нос не в свои дела, а дела мои! Я за них уже в ледяной воде искупалась! Я русская женщина с горячей итальянской кровью, а не с вашей рыбьей американской. Благодаря вам я могла бы получить воспаление легких...

– Благодаря мне вы как раз его не получили, – с удивительной ловкостью вставил он, но ловкость его меня только раздражала.

– Ах вот оно что! – еще сильнее вдохновляясь на скандал, закричала я. – Вы уже упрекаете меня! Для того и спасли! Я столько горя из-за вас хлебнула! Одни только гомики чего стоят, – речь идет о сексуальных меньшинствах, – на всякий случай пояснила я и продолжила:

– А эта миловидная особа с ее Колей. Я только что с риском для жизни ходила в незнакомую квартиру! В общем, вижу теперь – риск не оправдан, потому что вы абсолютно неблагодарный человек, к тому же совершеннейший болван и развращенный тип. Только подумать, всю ночь греть голую бабу, а потом отдать ей высушенные вещи и отпустить домой!

Возможно я наговорила и лишнее, женщины меня поймут – я была уязвлена, но лишнее я позволила себе лишь в надежде, что половины он не поймет, американец же оказался значительно просвещенней, что тут же и обнаружил одной оскорбительной фразой.

– Не водите компанию с глупцом, – сказал этот нахал, – ибо как мы можем видеть, он – двуногое животное. Как невидимыми колючками он пронзает сердце острыми словами.

Такого мне не говорил никто. Как красивая женщина, легко могу простить наветы на свою красоту. Пусть клеветают, от меня не убудет, но свой ум в обиду не дам. Ум мой бесспорен, он давно уже вышел за пределы критики, а потому держись любой! Увидеть же во мне двуногое животное мог только безрассудный храбрец, да и тот, лишь не понимая, чем ему это грозит...

Я вспыхнула.

– Как можете вы меня оскорблять? – потрясая кулаками, закричала я. – Меня, незащищенную женщину!

– Всего лишь привел слова великого мудреца, – спокойно ответил он. – По этому поводу великий мудрец сказал еще...

Нет, больше слушать я не могла.

«Этак далеко зайти можно, у меня уже кулаки здорово чешутся,» – подумала я и, прервав его речь от греха подальше, пригрозила:

– Если вы с вашим великим мудрецом не прекратите меня оскорблять, я сейчас же покину ваш «Кадиллак»!

– Как вам будет угодно, – с поспешной радостью ответил он, плавно притормаживая и давая мне понять, что готов выполнить это мое желание.

Что мне оставалось делать? Не давать же задний ход, роняя достоинство в самом зачатке отношений. Пришлось, держа марку, с гордо поднятой головой выйти из машины. Я сделала это в тайной надежде, что он одумается и обратно меня позовет, но он не одумался, а сорвал «Кадиллак» с места с обидной скоростью, предварительно крикнув:

– Прощайте, визитка Тэда у вас, впредь будьте осмотрительней.

Я, сжимая в руках визитку, смотрела вслед «Кадиллаку» и плакала в глубине души горькими слезами. Как нелепо все получилось. Второй раз судьба посылает мне счастливый случай, а я...

Что за характер?

Как только «Кадиллак» скрылся из вида, меня охватила паника. Боже, какая я дура! Все, ну все сделала не так! Уж лучше бы поехала писать заявление в милицию, все бы вышло умней.

Обидней всего было то, что я увлеклась чувствами и не выяснила толком кто он, этот мужчина, и как умудрился вляпаться в некрасивую историю. Он очень странный, посылал меня к другу и не представился мне. Я и сама хороша: ходила в какую-то квартиру, даже не зная, как американца зовут. Интересно, что бы я лепетала этому его другу?

«Даже Тamarке рассказать нечего,» – расстроилась я, подманивая к себе такси в твердом намерении ехать в ее офис.

* * *

Видимо Фортуна основательно расположилась ко мне задом: даже Тamarка, которая обычно радуется мне глупой радостью, (по другому эту радость не назовешь, учитывая мой скверный язык) на этот раз, увидев меня, закричала:

– Мама, ты невозможная! Всегда приходишь невовремя!

– Когда – всегда? – обиделась я. – Год уж у тебя не была!

– Какой год? – возмутилась Тамарка. – Неделью назад, Мама, ты чуть не сорвала мне важные переговоры! И как назло господин Гургунов опять сегодня должен приехать со всей своей свитой, причем с минуты на минуту, так что ты, Мама, не умничай перед ним и козни мне не строй, а еще лучше: иди-ка посиди в соседнем кафе с часик. Чуть позже я с радостью тебя приму, когда подпишу договор с господином Гургуновым. Даже, если хочешь, обмоем с тобой договор, и я заодно перед банкетом разомнусь. Так что, Мама, иди, иди в кафе, господин Гургунов опять тебя не поймет, у него есть воспитание, в отличие от тебя.

Я опешила. Господи, до чего Тамарка дошла: на брюхе ползает перед каким-то Гургуновым. Даже за глаза его называет господином, хотя других партнеров по бизнесу за глаза иначе как сволочами и козлами и не зовет. И чем, спрашивается, ее так взял этот Гургунов? Он, конечно, денежный мешок и мужчина приятный, но это же еще не причина, чтобы за глаза его сволочью не называть. Наверняка потом выяснится, что он Тамарку мою раз сто приобул с этой своей приятной улыбочкой, она же, дурочка, в его присутствии просто млеет. Уж не влюбилась ли эта старая калоша? Неровен час опять изменит Дане своему, а я потом буду вместо нее совестью мучаться перед этим уродом.

Нет уж, какое там кафе! На минуту не оставлю ее с этим Гургуновым. Более того, разнюхаю не складывается ли у них там интимного чего, и если складывается, постараюсь Гургунова этого у Тамарки отбить, чтобы не портил Тамаркиного бизнеса и не пользовался своим обаянием ей во вред. Уж со мной-то у него ничего не выйдет, меня трудно на мякине провести.

Приняв такое решение, я строго сказала:

– Ты, Тома, чем галдеть, лучше пошли кого-нибудь заплатить за такси. Там водила ждет внизу, и счетчик работает, а у меня с собой ни копейки.

Тамарка с пониманием кивнула и сказала:

– Я это, Мама, сразу поняла, как ты такси упомянула. На нем ты едешь только за мой счет. Опять что ли на бензине экономишь? Стыдно тебе с твоими капиталами. Вложила бы лучше их в мой бизнес.

– После своей смерти вложу, – пообещала я.

– Вложишь, как же, – не поверила Тамарка, вызывая референта и давая ему указание, выдать указание его помощнику, чтобы тот выдал указание секретарше дать поручение главному дежурному заплатить таксисту за такси из бюджета компании.

У меня даже голова закружилась от столь сложных конструкций.

«Да-аа, нелегко быть президентом компании,» – подумала я, поудобней располагаясь в кресле и закидывая ногу на ногу.

– Ты что это, Мама, тут располагаешься? – забеспокоилась Тамарка. – Я же сказала тебе: иди в кафе. Господин Гургунов вот-вот будет.

– И пускай будет, – невозмутимо ответила я. – Всегда рада приятным людям.

– Так радуйся, пожалуйста, им где-нибудь, а не в моем кабинете. Ты что, Мама, нацелилась загубить мой проект на корню?

– Ой, Тома, не надо, – рассердилась я. – Будто не знаю я почему ты так нервничаешь. Знаю и твой проект – влюбилась как курица в Гургунова этого.

– Почему – как курица? – растерялась Тамарка.

– Потому что на кошку ты не тянешь уже, уже шерсть не та, повылезла и слишком на перья смахивает, – пояснила я и тут же подбодрила приунывшую подругу: – Но дело не в этом. С чего переполох, не пойму. Я же тебе не конкурентка, ты же с детства меня убеждаешь, что я уродина, и я не возражаю. Да мне и не до твоего Гургунова. У меня есть мужчина получше, аж целый американец, и у нас уже страшный роман.

Тамарка всплеснула руками:

– Какой роман, Мама?! Когда я видела тебя последний раз, (а это было вчера в полдень) ты собиралась в ресторан и выглядела женщиной вполне замужней, скромно подумывающей о любовнике.

– Знаешь сама, как обманчива бывает внешность – и вчера уже я не была замужней. К тому же, все внезапно произошло. Сама не собиралась идти на роман, но не успели мы с ним познакомиться, как в тот же миг закипели такие страсти: мы раз десять уже поругались, но судя по всему жить не можем друг без друга. Его тянет ко мне, меня к нему. Вот только что со скандалом с ним рассталась, а сердце уже просится назад. Думаю, с американцем происходит то же.

Тамарка, явно ничего не понимая, тупо смотрела на меня, молчала и хлопала глазами.

«Вот что с ней случилось? – удручаясь, подумала я. – А ведь раньше понимала меня с полуслова, все ловила на лету.»

– Мама, – наконец нашла слова Тамарка. – Ты же недавно звонила мне, кричала что гибнешь, что не можешь выйти из какой-то квартиры. А-ааа! – вдруг вспомнила она. – Ты же про гомиков каких-то кричала! Он что, гомик?

– Боже упаси! – отшатнулась я. – Хотя...

В голове мелькнула картина прошедшей ночи: я в его объятиях, и его полное равнодушие ко мне...

Но не рассказывать же об этом Тамарке? Зачем доставлять ей лишнюю радость? К тому же нельзя так сразу осуждать мужчину за благородство и прекрасное воспитание. Мой американец не из тех, которые к незнакомым женщинам пристают... поспешно. Времена же опасные какие. Век не тот, и в мире свирепствует СПИД.

– Что – хотя? – насторожилась Тамарка. – Почему ты сказала «хотя»?

– Просто уверена, что он шпион. Агент ЦРУ, – желая ее шокировать, выпалила я.

– Ах, вот что, – облегченно вздохнула она. – И почему ты так думаешь?

– Боже, какая ты любопытная. Лучше пораскинь умом как мне помочь, – посоветовала я.

– А что с тобой? – безразлично поинтересовалась Тамарка.

– Умудрилась вляпаться в некрасивую историю. Кстати, твой Гургенов мог бы здесь пригодиться. Я слышала, что он в большом авторитете. Баба Рая про таких говорит: «Тот еще мафиоза.»

Тамарка сразу на дыбы:

– Только не вздумай, Мама, вмешивать господина Гургенова в свои дела. Он никакой не мафиоза, а напротив: очень солидный человек.

– Хоть буду знать, кто расположился напротив мафиоз, – без внутреннего удовлетворения отметила я и тут же психанула: – Черт, что ж мне пропадать теперь?

– Почему – пропадать? Женьке своему расскажи. Слава богу, муж твой работает в такой фирме, что хоть «братва», хоть гомики – все ему не проблема. Я сама неоднократно к нему за помощью обращалась.

– Женька в командировке, – неохотно сообщила я. – И вообще, здесь очень темное дело. Эх, жаль, Тома, ты не хочешь, чтобы я с Гургеновым поговорила. В прошлый раз мы с ним подружились.

– И он так поспешно отсюда ушел, что проект мой повис в воздухе. Нет, Мама, к Гургенову я тебя не допущу. О каком проекте после этого сможет идти речь? И что он обо мне подумает, пообщавшись с тобой?

– Подумает, что ты умная, образованная женщина, не чуждая юмора, как и я. Здесь он ошибется, конечно, но я тебя закладывать не стану.

Тамарка потемнела лицом, а я, выражая восторг и упоение, закатила глаза и с чувством воскликнула:

– В прошлый раз мы так мило с ним побеседовали, пока ты разбиралась со своими факсограммами. Этот Гургунов! Он был полон интереса, я изложила ему ряд взглядов на жизнь.

– Ряд взглядов? – побледнела Тамарка.

– Да, много, много взглядов, и все мои. Я ему изложила, он остался доволен. Думаю, он не откажет мне, если обращусь к нему с просьбой. Дело мое дрянное! Уверена, ситуация обратится позволяет, тем более, что Женки нет. Пока он вернется, меня уже и скинут: или с крыши или с моста.

Тамарка решительно запротестовала:

– Нет, Мама, нет! Не вздумай обращаться к Гургунову, и что там такого с тобой страшного могло случиться, чтобы не справилась я сама?

– Ой, не знаю, Тома, не знаю, – сокрушенно качая головой, призналась я. – Все могло случиться. Даже не представляю кто бежит за мной и с какой целью. Вот только послушай...

И я собралась уже подробно рассказать о своих злоключениях, но в кабинет беспардонно вломился референт – слизняк и мальчишка – и с пафосом величайших вершений сообщил, что к нам приехал господин Гургунов. То есть, к ним, а точнее к Тамарке. Удостоил и одарил своим вниманием.

Я едва успела мысленно этого Гургунова обругать, как он и сам пожаловал со всей своей свитой – в Тамаркином кабинете, размерами смахивающем на футбольное поле, сразу стало тесно. А тут еще и Тамаркина свита набежала – собралась целая толпа. Все любезность и доброжелательность источали. Только я и Гургунов вели себя естественно, к нему я сразу и обратилась, расталкивая остальных.

– Как хорошо, что я вас повстречала, – воскликнула я, старательно не замечая отчаянных Тамаркиных знаков. – У меня возникли неразрешимые проблемы, скажу более, кто-то пытался меня убить...

Дальше говорить я не смогла, как этого ни желала. Тамарка грубо зажала мой рот рукой и, пользуясь мышечным превосходством, поволокла к двери. В приемной на меня навалились и ее приспешники. Я пыталась кричать, но очень быстро поняла, что молчать безопасней. Скрученная референтом и двумя секретаршами сидела я в кресле и беззвучно роняла горькие слезы на грудь.

– Успокойтесь, Софья Адамовна, – нежно уговаривала меня секретарша, пытаясь влить в нос какую-то гадость.

Я всеми доступными способами намекала на то, что есть у меня и рот, но об этом никто не хотел даже слушать. Рот мне залепили скотчем.

Я, конечно, лягалась, но в кресле это получалось неэффективно.

Вдруг дверь Тамаркиного кабинета открылась, и Гургунов, с состраданием глядя на меня, спросил:

– Может вызовем скорую помощь?

– Не нужно, – поспешила успокоить его чертова Тамарка. – Скоро приступ пройдет, и она почувствует бессилие.

«И не надейтесь,» – гордо подумала я, понимая, каких Тамарка Гургунову про меня небывало наплела.

Скорей всего наплела, что у меня мания преследования, а она, конечно же, как благородная подруга опекает меня – идиотку – бросая важные дела, занимается моими психозами.

Да-аа, дружба дело тонкое. Тут ухо остро держи!

И, что обидней всего, Гургунов поверил. Вон с каким сочувствием смотрит на меня.

Только я так подумала, как Гургунов возьми и скажи:

– Да-аа, теперь вижу: шизофрения ужасная вещь. Теперь припоминаю, Тамара Семеновна, и в прошлый раз ваша подруга мне немного странной показалась. Жаль бедняжку, очень милая женщина.

– Да, – согласилась подлая Тамарка, – она с детства была мила. В детском садике ее все воспитательницы любили.

«И это все, что она может для меня сделать после десятилетий дружбы?» – горестно подумала я.

Подумала и замычала, выражая им свое презрение, Гургенов же, растолковав все по-своему, меня милостиво приободрил:

– Ничего, Софья Адамовна, я вам помогу. Есть некоторые возможности.

И скрылся в кабинете.

«О своих возможностях мог бы уже и помолчать хотя бы из скромности,» – в бешенстве подумала я.

Тамарка же не сразу побежала Гургенова охмурять, а слегка задержалась и шепнула мне на ухо:

– Мама, родная, не сердись, лишь договор с господином Гургеновым подпишем и сразу же только твои проблемы решать буду.

Черта с два – все вышло не так!

Справедливости ради замечу: Тамарка героически пыталась слово свое сдержать, но ничего у нее не получилось, и виновата в том судьба.

Подписав договор с Гургеновым и выпроводив его в рискованно короткие сроки, Тамарка примчалась в чуланчик, в который меня по ее приказу запихнули, и начала оправдываться.

– Мама, – с опаской отлупливая от моего рта скотч, лебезила она, – Мама, милая, ты должна меня понять. Ты сама виновата, такое ляпнула – кто-то пытался меня убить! Ужас! Господин Гургенов подумал бы, что в нашей компании происходит черт-те что.

– В вашей компании именно это и происходит, – закричала я, почувствовав приближение свободы.

Тамарка, отлепив скотч, не позвала приспешников на помощь, а собственноручно разматывала мои верхние конечности. Как только они освободились, я залепила Тамарке звонкую оплеуху.

– Мама, – с необъяснимым укором хватаясь за ухо, воскликнула она. – Мама!

– Не лишай меня хоть такого удовольствия, – воззвала к ее совести я и тут же принялась распутывать свои, затекшие от неподвижности, нижние конечности.

Тамарка стояла рядом с видом побитой собаки.

Я не стала ее тиранить, а, распутав ноги, глянула на часы, вскочила и с воплем «за мной!» кинулась вон из компании. Тамарка что-то кричала мне вслед, но я ее уже не слушала. Моя душа болела за Саньку.

«Вот-вот он вернется с бабой Раей домой, – содрогаясь от страха, думала я, – а мне так и не удалось обезвредить толпу врагов. Черт меня дернул гомикам признаваться, что я мадам Мархалева. Тщеславие до добра не доводит. Теперь эти гомики без труда узнают мой адрес, а если поймут что и Коля с миловидной особой хотят его знать, то и их просветят. О „братане“ просто вспоминать не хочется, так много связано с ним неприятного.»

Домой я неслась уже с одной лишь целью: Саньку с бабой Раей перехватить и пристроить их у кого-нибудь пожить до полного выяснения таинственных обстоятельств моих неприятностей.

К чести Тамарки, она неслась за мной, приговаривая:

– Мама, остановись, Мама, остановись.

Выбежав из компании, я пошла навстречу ее пожеланиям и остановилась, потому что устала сама. Остановилась, перевела дух и помчалась дальше. Тамарке удалось забежать вперед, она открыла дверцу своего автомобиля, затолкала меня в него и, усевшись за руль, спросила:

– Куда?

- Куда может бежать порядочная женщина? – вопросом ответила я.
- На свидание? – бодро предположила Тамарка.
- Домой! – рывкнула я, и она испуганно выжала сцепление.

* * *

Дома нас ожидал кошмар. Едва я открыла дверь, как на меня упала вешалка – какой-то негодяй сломал ей ногу. Да что там вешалка и ее нога. По дому словно Мамай прошелся. Моих книг на полке не было – думаю, работа гомиков, «братан» вряд ли умеет читать.

– Здесь был обыск, – сказала Тамарка, которую я успела по дороге просветить, особенно упирая на «братана». – Здесь был роскошный обыск.

– И не один, – имея ввиду и гомиков, добавила я. – Искали все подряд.

Пробежавшись по квартире и установив, что баба Рая и Санька еще не приходили – в холодильнике было пусто, и Санькина грязная одежда еще не лежала в ванной – я слегка успокоилась, но тут же разволновалась опять. Что скажу я им, когда они вернуться?

Этот вопрос я задала Тамарке, на что она покрутила пальцем у виска и закричала. Она всегда кричит, если появляется подходящий случай.

– Мама, ты невозможная! – закричала Тамарка. – Вижу, тебя действительно пора спасать. На этот раз ты не обманула. Говори, как зовут его?

– Кого? – опешила я.

– Да американца твоего, с которым у тебя роман страшный. Не зря же америкашку хотели сбросить с моста, значит он каким-то концом замешан. Кстати, как попала ты в ту глухомань?

К этому вопросу я никак не была готова, потому пришлось лгать, импровизируя; не про измену же мужа ей рассказывать.

– Американцу решила просторы России показать, – брякнула я.

Тамарка зашла в тупик.

– А что же это он был в пижаме, а ты пальто? Как могло выйти такое?

«Странная логика у этой Тамарки,» – подумала я, и, не моргнув глазом, ответила:

– Мы были в гостинице, занимались любовью, вдруг на меня нашло, ты же меня знаешь...

– Знаю-знаю, – охотно подтвердила Тамарка.

– Ну вот, слово за слово, я психанула, накинула пальто и бежать, а он за мной. Естественно в пижаме. В чем был в том и побежал. По-иному разве меня догонишь?

– Не догонишь, – компетентно подтвердила Тамарка.

– Вот и он не догнал. Бежал-бежал, пока эти «братаны» его не схватили.

– Подожди, – оторопела Тамарка. – Ты же говорила, что «братаны» его тащили из джипа, а ты на мосту в это время была.

– Господи, все так и было! – рассердилась я. – Какая ты, Тома, недоверчивая. Я была на мосту, он меня догнал.

– Ты же только что говорила, что не догнал.

– Ах, черт тебя побери! Не придирайся! Сначала не догнал, потом догнал на свою же голову, и мы опять поругались. Он в пижаме своей убежал, а вернулся уже в джипе. Тут-то его «братаны» и столкнули. А за ним и меня. А дальше ты все уже знаешь.

– Мне казалось, Мама, что я знала и то, что ты только что рассказала, – пробурчала Тамарка. – И тут же выяснилось, что знала я все не так. Ну, да бог с тобой. Раз «братаны» его схватили, значит он знает за что. Поехали к нему.

– Тома, я же русским языком сказала: мы поругались и он, расстроившись, на «Кадиллаке» своим укатил неизвестно куда. Он безумно в меня влюблен. Может уже руки на себя накладывает.

– А, черт! – нервно прикусила губу Тамарка. – Это он не вовремя... Ладно, времени в обрез! Имя его говори, и я побежала, а ты закройся здесь, дверь подопри и бабу Раю с Санькой жди. Как только они придут, сразу мне звони. Да я и раньше пришлю за вами ребят своих.

Тамарка вытащила из кармана пиджака «Паркер» и приготовилась записывать имя американца, я же ломала голову как ей сообщить, что имени-то как раз я и не знаю.

– Имя! – гаркнула Тамарка.

– Не знаю, – сникла я.

Тамарка остолбенела:

– А как же вы общались?

– Мы говорили друг другу ласковые слова, – принялась оправдываться я, но Тамарка меня уже не слушала.

– Мама, ты невозможная! – завопила она. – Спишь с кем попало и даже имени не спрашиваешь! Вот до чего докатилась!

– Зато я знаю, как зовут его друга, – похвасталась я и тут же сообщила: – Тэд Доферти!

– Так ты с друга начала? – изумилась Тамарка.

– Как ты можешь! Между нами ничего не было! – возмутилась я, имея ввиду уже обоих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.